

КОЛСОН УАЙТХЕД ПОДЗЕМНАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Идеальное соотношение исторической
точности и литературной фантазии.

TIME

Национальная книжная
премия США 2016 года

Пулитцеровская
премия 2017 года

CoRpus

Колсон Уайтхед

Подземная железная дорога

«Corpus (АСТ)»

2016

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Уайтхед К.

Подземная железная дорога / К. Уайтхед — «Corpus (ACT)»,
2016

ISBN 978-5-17-102875-6

Роман Колсона Уайтхеда получил несколько престижных премий, газета New York Times назвала его бестселлером номер один, им восхищаются литературные критики и видные общественные деятели. Это история о борьбе с рабством в Америке XIX века, и историческая правда переплетена в ней не только с художественным вымыслом, но и с фантастическими допущениями. Подземной железной дорогой называли организацию, помогавшую неграм добираться с рабовладельческого Юга на Север, но в книге Уайтхеда это настоящая железная дорога, со станциями, поездами, машинистами. Именно по ней уезжает юная Кора, сбежавшая с хлопковой плантации в Джорджии, по ней путешествует, преодолевая суровые испытания, по стране, там же находит путь к спасению.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-102875-6

© Уайтхед К., 2016

© Corpus (ACT), 2016

Содержание

Аджарри	6
Джорджия	9
Риджуэй	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Колсон Уайтхед

Подземная железная дорога

© Colson Whitehead, 2016

© О. Новицкая, перевод, 2019

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Издательство CORPUS ®

* * *

Посвящается Джугли

Аджарри

Когда Цезарь в первый раз заикнулся о побеге на Север, Кора сказала «нет».

В ней заговорила бабка. Когда невольников вывели из подземелья крепости Виды¹, бабка Кору зажмурилась от слепящего глаза полуденного солнца и блеска воды. Она впервые в жизни увидела океан. В подземелье их держали до прибытия судна. Охотники из Дагомеи² сперва поймали и увели с собой всех мужчин из ее деревни, потом, когда сменилась луна, они пришли опять, забрали всех женщин и детей и погнали их, скованных попарно, через джунгли к морю. Вглядываясь в черноту дверного проема, Аджарри думала, что там, в темноте, ее ждет отец. Уцелевшие мужчины из деревни рассказали ей, что, когда отец совсем обессилел из-за долгого перехода, дагомейцы прикончили его, чтобы не задерживал остальных, и бросили у дороги с проломленной головой. Мать ее к тому времени уже давно умерла.

По пути в порт бабка Кору несколько раз переходила из рук в руки, дагомейцы перепродавали ее друг другу, предлагая взамен то раковины каури, то стеклянные бусины. Трудно сказать, сколько за нее выручили в Виде, потому что после обычных в таких случаях препирательств на ломаном английском вся партия, восемьдесят восемь душ, пошла скопом за шестьдесят ящиков рома и пороха. Здоровые мужчины и женщины детородного возраста ценились дороже подростков, поэтому высчитать точную цену каждого раба в партии – дело сложное.

Шхуна «Нэнни» по пути из Ливерпуля в Виду уже успела зайти в два порта на Золотом Берегу, и капитан предпочел разбавить ранее купленный товар новым. Невольники, говорящие на одном языке, вполне способны и до мятежа договориться. Вида была для «Нэнни» последним портом захода по эту сторону Атлантики. Двое матросов с соломенными волосами посадили Аджарри в шлюпку, мурлыча что-то себе под нос. Белокожие любят черное мясо.

Тлетворный воздух заточения, темный трюм, вопли прикованных друг к другу рабов – все это постепенно сводило Аджарри с ума. Она была слишком юна, поэтому тюремщики не воспользовались ею сразу, но через шесть недель плавания бывалые члены судовой команды не гнушались выволакивать ее из трюма. На пути в Америку она дважды пыталась покончить с собой: один раз пробовала уморить себя голодом, другой – утопиться. Оба раза ей помешали матросы, умевшие распознать планы и намерения живого товара. Когда Аджарри хотела броситься за борт, то не успела даже взобраться на планширь. Неестественность осанки и отчаянье на лице, как у тысяч невольников до Аджарри, выдали ее с головой. И теперь она скована, скована по рукам и ногам, чтобы другим неповадно было.

Сколько они с родней ни старались, чтобы на торгах в Виде их не разлучили, но остальных членов ее семьи купили португальские работорговцы с фрегата «Вивилья», который, по словам очевидцев, четыре месяца спустя дрейфовал в десяти милях от Бермудских островов. Вспыхнувшая на борту чума уничтожила всех. Местные чиновники приказали сжечь судно и с берега наблюдали, как парусник трещит и тонет. Бабка Кору о судьбе фрегата ничего не знала. До конца своих дней она представляла себе, что ее родные служат у добрых и щедрых хозяев где-нибудь на Севере и занимаются каким-нибудь неизнурительным ремеслом – прядут, ткут, но только не на плантации, только не так, как она. В ее воображении Исаии, Сиду и остальным удалось выкупить себя из неволи, они теперь жили как свободные люди в городе, который называется Пенсильвания, – она однажды слышала, как двое белых разговаривали про это

¹ Вида – портовый город на территории современного Бенина, расположенный в южной части страны, на побережье Гвинейского залива. (*Здесь и далее прим. пер.*)

² Дагомея – африканское государство на побережье Западной Африки, находившееся на территории современных Бенина и Того. Основано в середине XVII в. и просуществовало до XIX в.

место. Эти сказки дарили Аджарри утешение, когда под тяжестью своей ноши она готова была рухнуть и разбиться вдребезги.

Второй раз бабу Кору продали, после того как она месяц провела в чумном бараке на острове Салливана, пока карантинный врач не подтвердил, что она и весь живой товар с «Нэнни» здоровы.

Еще один шумный день на невольничьей бирже. Крупные торги всегда привлекали колоритную толпу. В Чарлстон со всего побережья стекались торговцы и агенты, придирчиво проверявшие у выставленных на продажу рабов глаза, суставы, спины, и чтобы без венерических болезней и прочих неприятностей. Под вопли аукционистов зрители поедали свежие устрицы и горячую кукурузу. Рабов на помосте выставляли нагишом. Вокруг группы пареньков ашанти – это африканское племя славилось трудолюбием и силой – разгорелся настоящий ажиотаж, и в конце концов надсмотрщик с каменоломни купил негритят за ошеломительную цену. В толпе зевая стоял мальчишка, держащий в руках леденец на палочке, и бабу Кору никак не могла взять в толк, что за штуку он тянет в рот.

Когда солнце уже почти село, агент купил ее за двести двадцать шесть долларов. За нее можно было бы выручить и больше, но рынок в тот год был затоварен молоденькими. Его костюм был из материи блее, чем все, что она в жизни видела. На пальцах сверкали перстни с разноцветными камнями. Когда он щипал ее за грудь, чтобы убедиться, что она в соку, коже было холодно от прикосновения металла. Ей поставили клеймо, не первое и не последнее, и приковали к остальным купленным за день невольникам. Той же ночью скованные цепью рабы начали длинный переход на юг, ковыляя за коляской, в которой ехал агент. «Нэнни» к тому времени уже легла на обратный курс, везя в Ливерпуль сахар и табак. В ее трюмах стало куда спокойнее.

В последующие годы бабу Кору столько раз продавали, обменивали и перепродавали, что порой казалось, будто над ней висит злой рок. Все ее владельцы почему-то разорялись один за другим. Первого хозяина облапошил мошенник, всучивший ему агрегат, якобы чистивший хлопок в два раза быстрее, чем хлопок-джин³. Чертежи выглядели очень внушительно, но в конечном итоге по распоряжению магистрата Аджарри наравне с остальным имуществом пошла с молотка за долги. В суматохе ее оценили в двести восемнадцать долларов. Из-за конъюнктуры на местном рынке цена чуть упала. Следующий хозяин скончался от водянки, после чего его вдова распродала имущество, чтобы вернуться на родину, в Европу, где было чище, чем на Юге.

Три месяца Аджарри провела у хозяина-валлийца, который проиграл ее, еще трех рабов да двух свиней в вист. И так раз за разом.

Цена на нее гуляла туда-сюда. Когда столько раз переходишь из рук в руки, поневоле становишься цепкой. Она научилась мигом обживать на новых плантациях, отличать изувеченных-«укротителей» от просто жестоких людей, трутней от тружеников, наушников, которым ничего нельзя говорить, от исповедников, которым можно рассказать все. Хозяева и хозяйки разной степени жестокосердия, поместья, где уровень притязаний отчаянно не соответствовал уровню возможностей. Кое-где плантатор мечтал просто свести концы с концами, но кое-где дамы и господа метили во властелины мира, словно это зависело от площади плантации в акрах. 248 долларов, 260 долларов, 270 долларов. Куда бы она ни попала, всюду сахарный тростник да индиго, кроме одного раза, когда неделю пришлось скручивать табачные листья. Но тут на табачную плантацию заехал торговец, которому требовались рабыни детородного возраста, желательно с целыми зубами и нраву смиренного. Из девчонки она к тому времени превратилась в женщину, так что ее мигом купили.

³ Первая хлопкоочистительная машина, созданная в конце XVIII в.

Она знала, что у белых существует наука, с помощью которой ученые мужи докапываются до сути вещей, чтобы понять, как что работает: как движутся по ночному небу звезды, как в крови происходит слияние различных влаг и соков, какая температура требуется, чтобы хлопок уродился на славу. Собственное черное тело и накопленные наблюдения научили Аджарри своей науке. Каждая вещь имеет цену, и стоит цене измениться, меняется все вокруг. Треснувший калек начал пропускать воду и стал цениться ниже, чем целый. Крючок, подцепивший сома, ценнее, чем тот, что не удержит даже наживку. Суть Америки в том, что люди в ней – это вещи. Старик не переживет путешествие на корабле через океан, поэтому незачем бросать деньги на ветер. А вот за молодого здорового детину из могучего племени покупатели готовы глотки друг другу рвать. Рабыня, рожающая одного за другим, рожает на самом деле живые деньги, чеканит их как монеты. Если ты вещь – телега, лошадь, раб, – твоя цена определяет твои шансы. Аджарри поняла, где ее место.

Оно в Джорджии. Приказчик с плантации Рэндалла купил ее за двести девяносто два доллара, несмотря на появившуюся у нее пустоту во взгляде, из-за чего она производила впечатление тупицы. И до конца жизни она носа не высунула с плантации Рэндалла. Здесь, на этом острове, откуда не вырваться, и был ее дом.

Замуж бабка Кору ходила трижды. Она питала слабость к широким плечам и большим рукам, так же, как и старик Рэндалл, хотя у хозяина и рабыни были для этого разные основания. Обе плантации Рэндалла могли похвастаться богатым поголовьем рабов: в северной части – девяносто негров, в южной – восемьдесят пять. Обычно выбирала сама Аджарри, когда выбирали ее – смирялась.

Ее первый муж очень уж пристрастился к кукурузному виски, под воздействием которого столь любимые ею большие руки превращались в большие кулаки. Поэтому Аджарри недолго горевала, когда его уводили прочь, – хозяин продал его на сахарную плантацию во Флориде. Потом сошлась со славным парнем с южной части плантации. Пока его не прибрала холера, он любил пересказывать жене Библию – его бывший хозяин, когда дело касалось рабов и религии, придерживался прогрессивных взглядов. Ей нравились библейские истории и притчи. Белые в таких вещах знали толк. Разговоры о спасении души африканцам были ой как в жилу. Несчастные сыны Хама. Ее последнему мужу проткнули уши за то, что мед воровал. Пока умирал, из ран гной так и шел.

От своих мужей Аджарри родила пятерых детей. Все они появились на свет на дощатом полу хижины, на одном и том же месте. Она частенько грозила им за непослушание: вот тут я вас родила, тут и обратно засуну, коли мать слушать не будете. Научишь их повиноваться себе, так они, глядишь, станут повиноваться хозяевам и на том выживут. Двое померли от лихорадки, бедные. Один, когда играл, наступил ножкой на ржавый лемех плуга и умер от заражения крови. А младшенький, как его хозяин по головке деревянным чурбаном ударил, так глаз больше не открывал. Один за другим. Но зато, как сказала Аджарри женщина постарше, никто их от нее не отрывал, чтобы продать. Это верно, в то время Рэндалл негритят продавал редко. Так что хоть знаешь, где умерли и от чего. Единственным ее ребенком, дожившим до отрочества, была Мэйбл, мать Кору.

Аджарри умерла среди хлопка; комки белой ваты вздымались вокруг нее, словно белые буруны свирепого океана. Последняя из своей деревни, отдавшая концы прямо на поле из-за гули в мозгу, когда кровь хлынула из носа и на губах выступила белая пена. Прямо среди рядов хлопчатника. А где еще ей было умирать? Свобода предназначалась другим, гражданам града Пенсильвания, бурлившего жизнью где-то на Севере, за тысячу миль отсюда.

В тот воскресный вечер, когда Цезарь обмолвился о подземной железной дороге, а Кора отрезала: «Нет», – в ней заговорила бабка.

Три недели спустя она сказала «да».

На этот раз в ней заговорила мать.

Джорджия

Награда 30 Долларов

Сего месяца 5-го дня с плантации нижеподписавшегося У. М. Диксона в Солсбери бежала молодая негритянка по имени ЛИЗЗИ. Означенная негритянка может скрываться в окрестностях плантации миссис Стил. Вышеупомянутое вознаграждение причитается как за поимку беглой негритянки, так и за сведения о содержании оной в какой-либо из тюрем сего штата. Любые лица, замеченные в укрывательстве означенной беглой негритянки, подлежат преследованию и наказанию по всей строгости закона.

У. М. Диксон

1820 года, июля 18-го дня

Дни рождения Пройдохи отмечали раз или два в год и старались, чтобы праздник получился на славу. Это всегда было воскресенье, короткий день на плантации. В три часа пополудни десятники давали сигнал об окончании работы, и каждый невольник с северной части плантации, чтобы начать приготовления к вечеру, стремился как можно быстрее разделаться с накопившимися за неделю делами: починить что надо, обобрать мох, подлатать крышу – все на скорую руку. Праздник важнее. Исключения составляли только те, кого выпускали в город на отхожий промысел, или кто заранее подрядился делать какую-то работу на стороне. У этих выхода не было: даже если бы они решились отказаться от лишнего заработка – а кто же от такого откажется? – ни у одного раба не хватило бы наглости объяснить белому нанимателю, что сегодня он работать не будет, потому что спешит на день рождения. У черномазых дней рождения не бывает, это всем известно.

Сидя на кленовом чурбачке, Кора выковыривала землю из-под ногтей. Она всегда по возможности давала на общий праздничный стол репу или зелень со своей грядки, но сегодня решила по-другому. Кто-то вопил неподалеку, похоже, один из новеньких, которых Коннелли еще не успел согнуть в бараний рог. Ему так же громко что-то проорали в ответ. Завязалась перепалка, в громких голосах сквозила не столько злоба, сколько гонор. Если уж они заранее так раздухарились, то на дне рождения точно будет дым коромыслом.

– Если бы ты могла выбрать себе день рождения, – спросила Кору Милашка, – ты бы что выбрала?

Милашка стояла против света, солнце било Коре в глаза, так что лица подруги она не видела, но отлично знала, что на нем написано. У Милашки все всегда без затей. Нынче вечером будет праздник. Она упивалась этими редкими отдушинами, будь то день рождения Пройдохи, Рождество или ночи во время страды, когда каждый, у кого были две руки в наличии, выходил на ночную уборку хлопка, и десятники по приказу Рэндаллов раздавали им кукурузный виски, чтобы работалось веселей. Да, это была работа в поле, но под луной дело и вправду спорилось. Во время танцев Милашка первой кричала скрипачу, чтобы не филонил, и первой пускалась в пляс. Она вечно и Кору тащила за собой, хотя та упиралась и жалась в сторонку. Дай Милашке волю, так они бы, взявшись за руки, вертелись круг за кругом, и Милашка при каждом повороте притягивала мужские взгляды, а там, глядишь, и Кора кого подцепила бы. Но Кора никогда не танцевала. Она наблюдала.

– Я же тебе говорила, когда я родилась, – сказала она Милашке.

Она родилась зимой. Мэйбл, ее мать, не раз жаловалась на трудные роды, на то, какой в то утро вдруг ударил мороз, как вой ветра врывался в щели хижины. Как из матери несколько

дней хлестала кровь, а Коннелли и не почесался, а за лекарем послал, только когда от нее половина осталась.

Иногда сознание Кору играло с ней злую шутку, и рассказ матери превращался в одно из ее собственных воспоминаний, расцветиваясь ликами теней прошлого, давно умерших рабов, которые смотрели на нее с любовью и лаской. Даже те, кого она ненавидела, кто пинал ее и воровал у нее еду, когда матери не стало.

– Ну а если бы ты могла выбрать? – настаивала Милашка.

– День рождения нельзя выбрать. Это решено за тебя.

– Ладно, хорош дуться!

С этими словами Милашка умчалась прочь.

Кора потеряла себе лодыжки и икры, радуясь возможности дать ногам отдохнуть. Праздник, не праздник – на этом кленовом чурбачке рядом со своей грядкой она встречала каждый воскресный вечер, когда после короткого дня в поле можно было присесть и чем-то заняться. Эти несколько часов в неделю она была сама себе хозяйка, это было ее время, чтобы выполоть сорняки, обобрать гусениц, проредить шпинат и сверкать глазами в сторону всякого, кто посягает на ее вотчину. Постоянный уход за грядкой был необходим, чтобы на ней что-то росло, но главное, это был некий символ, означавший, что с того дня, как она встала на тропу войны, решимости в ней не убавилось.

Земля под ногтями имела историю, самую древнюю из всех, ведомых Коре. Едва Аджарри после долгого перегона появилась на плантации, она со скандалом отвоевала себе за хижинкой клочок земли и разбила грядку. Хижина была последней в веренице лачуг, где жили рабы. До них простирались поля, за ними начинались болота. Старик Рэндалл однажды увидел во сне море белого цвета, которое разливалось куда хватало глаз, и мигом переключился с надежного индиго на барбадосский хлопчатник. Он завязал новые связи в Новом Орлеане, договорился с откупщиками, которых кредитовал Банк Англии. Деньги хлынули рекой. В Европе был хлопковый голод, который необходимо было срочно утолять. Кипа за кипой товар шел в Европу. Однажды ночью вернувшимся с поля рабам велено было валить лес и тесать бревна для новых хижин.

Сейчас, глядя на то, как снует вокруг этих лачуг туда-сюда народ, Кора с трудом могла себе представить, что когда-то этих четырнадцати хижин здесь просто не было. Несмотря на ветхость и жалобы, что стоят они на краю света, в лачугах была вековечность вздымавшихся на Западе гор или реки, разрезавшей плантацию на две части. Они источали незыблемость, а в душах тех, кому выпало в них жить и умирать, будили два вечных чувства: зависть и злобу. Додумайся тогда строители оставить зазор между старыми и новыми постройками пошире, скольких бед удалось бы избежать в последующие годы!

Белые готовы препираться в суде и устраивать тяжбы из-за территорий за сотни миль, которые неточно нанесены на карту. Рабы с той же горячностью бились за клочки земли у себя под ногами. На полоске глины между лачугами можно было держать козу на привязи или кур в клетушке, там можно было выращивать еду для приварка, чтобы в животе было что-то кроме похлебки с отрубями, которую по утрам раздавали на кухне. Раздавали тем, кто успел прийти раньше остальных. Когда старый Рэндалл, а позднее его сыновья решали продать невольника, остальные принимались делить его клочок земли еще до того, как на купчей успевали высохнуть чернила. Если владелец такого клочка по вечерам мирно возился на своей грядке, улыбаясь или мурлыкая что-то себе под нос, у соседа вполне могло возникнуть желание выкинуть его оттуда силой. И к кому тогда бежать жаловаться? Тут ни судов, ни судей нет.

– Мама никого близко не подпускала к своему полю, – рассказывала Мэйбл дочери. «Поле», конечно, громко сказано, потому что по площади там с трудом набегало три квадратных ярда.

– Всякому, кто осмеливался просто посмотреть, грозились черепом проломить.

Образ Аджарри в памяти Кору не вязался с бабкой, которая ради грядки с оружием в руках была готова броситься на проходящих мимо рабов, но когда грядка перешла под Корин надзор, девочка поняла, что так оно и было на самом деле. Аджарри блюла свою землю, несмотря на происходившие на плантации изменения. Рэндаллы купили ранчо Спенсера на севере, потом решили расширяться на запад, купили еще одну плантацию, южнее, из рисовой сделали ее хлопковой и добавили по паре невольничьих хижин в каждом ряду, но грядка Аджарри в центре всех этих пертурбаций по-прежнему оставалась на своем месте, словно пень, который не выкорчевать, потому что он ушел корнями слишком глубоко. После смерти Аджарри заботу о росшем на грядке ямсе, бамии и прочем разным возложила на себя Мэйбл. Но когда грядка перешла к Коре, поднялся переполох.

Как Мэйбл исчезла, Кора осталась беспризорной. Ей было одиннадцать, а может, только десять – точного возраста никто не знал. От пережитого потрясения мир вокруг нее стал бесцветным. Первым цветом, который вернулся, была сочная терракота – красная почва на их семейной грядке. Благодаря ей Кора пробудилась к жизни и к людям и решила, что свое из рук не выпустит, несмотря на то, что мала и смотреть за ней больше некому. Мэйбл была женщиной слишком уж неразговорчивой и несговорчивой, поэтому никто ее особенно не любил, но к Аджарри при жизни невольники относились с почтением. Тень покойной матери служила дочери защитой. Все старые рабы Рэндаллов либо поумирали, либо давно были проданы. Кора мысленно составляла список возможных сторонников: неужто не осталось ни одного из бабкиных приверженцев? Ни-ко-го. Одни покойники.

Она сражалась за свою глину. Гоняла малолетних паразитов, не доросших до работы на поле, которые повадились топтать ее рассаду; поднимала крик, если они выкапывали побеги ямса. Голосила она зычно, как на праздниках, когда созывала детвору, чтобы бегать взапуски или играть. Зла на них она не держала.

Но претенденты на землю обошли ее с флангов. Ава. Они с матерью Кору вместе росли на плантации. Обе щедро хлебнули пресловутого рэндалловского «гостеприимства», которое при всей изощренной чудовищности, не укладывающейся в голову, было в своих извращениях чем-то столь же будничным, как погода за окном. Иногда подобные переживания сближают, иногда стыд за собственную беспомощность заставляет жертву возненавидеть свидетелей. Ава и Мэйбл остались врагами.

У жилистой сильной Авы руки были проворными, как болотные гадюки. Эти руки своего не упускали и были скоры на оплеухи детворе за безделье и прочие грехи. О своих курах она заботилась куда больше, чем о детях, поэтому, желая расширить площадь под клетушки, зарилась на Корину грядку.

– Все ей одной, а какое добро пропадает! – шипела она, водя кончиком языка по зубам.

Под крышей хижины, где кроме Авы и Кору уютилось еще восемь человек, они каждую ночь спали бок о бок, и Кора замечала копившуюся неприязнь Авы. От злобы ее дыхание словно отсырело и отдавало кислым. Каждый раз, когда Кора вставала, чтобы помочиться, Аве непременно надо было ей наподдать.

Однажды вечером, вернувшись в хижину, она услышала от Мозеса:

– А ты с сегодняшнего дня у Иова.

Ава за ее спиной договорилась с Мозесом и как надо с ним расплатилась. После того как надсмотрщик Коннелли повысил Мозеса, сделав одним из своих подручных, этот бывший полевой негр возомнил себя третейским судьей во всех деревенских распрях. На поле полагалось поддерживать какой-никакой порядок, а вмешиваться в некоторые делишки белому было не с руки. Мозес же за все подобное брался с упоением. Его рожа, похожая на нарост, торчащий на потном коренастом стволе шеи, казалась Коре мерзкой. Так что, когда проступило столь же мерзкое нутро, она не удивилась – рано или поздно, оно всегда проступает.

Это уж как закон. Как солнце восходит.

Кору сплавляли к Иову, куда отправляли изгоев. Самых жалких. Без надежды на обжалование, потому что там законы были не писаны, либо переписывались что ни день. Даже барахлишко ее уже туда перетащили.

Все давно забыли того бедоноса, по имени которого стали называть эту хижину. Он довольно пожил, прежде чем сгнуться от бед, воплощением коих стал. К Иову всех изувеченных надсмотрщиками; к Иову всех, кого сломила работа, неважно, видно это глазу или нет; к Иову всех, кто поехал умом. К Иову всех, кто без призора.

Сперва к Иову отправляли мужчин, увечных недолудей. Потом там обосновались женщины. Белые и цветные мужчины грубо пользовались их телом, они рожали на свет хилых усохших заморышей, от побоев теряли рассудок и в темноте твердили имена своих мертвых детей: Ева, Элизабет, Натаниэль, Том. Кора, не в силах сомкнуть глаз, жалась на полу в общей комнате, сама не своя от страха. Она не могла заснуть среди этих парий и проклинала собственное малодушие, с которым ничего не могла поделать. Девочка таращила глаза в темноту, где проступали силуэты. Очаг, стропила, поддерживавшие чердак, развешанные по стенам инструменты. Впервые в жизни ей пришлось проводить ночь вне стен, в которых она родилась. Сотня шагов до них казалась доброй сотней миль.

Со следующим шагом Ава не спешила. И тут появился новый противник: старый Абрахам. Старый Абрахам был далеко не стар, а просто держал себя как старый брюзга и человеконенавистник с той поры, как научился сидеть. Никаких специальных видов на Корину грядку у него не было, он хотел отобрать ее из принципа. С какой стати он и все остальные должны уважать права этой соплячки только потому, что ее бабка застолбила когда-то эту полоску красной глины? Старый Абрахам в традиции не верил. Слишком уж много раз его перепродавали по весомым соображениям. Бегая туда-сюда по разным поручениям, Кора часто слышала, как он подбивал остальных поделить ее участок.

– А то все этой одной.

Все ей. Все три квадратных ярда.

Потом появился Блейк. Летом младший из Рэндаллов, Терренс, как раз решил, что им с братом пора чувствовать себя хозяевами плантации. Они закупили партию негров не то в Северной, не то в Южной Каролине. Шестеро из них, если агент не врал, были из племен фанти⁴ и мандинго⁵, то есть и телом, и темпераментом сама природа предназначила их для полевых работ. На плантации Рэндалла эти новички, и среди них Блейк, Пот и Эдвард, жили единым племенем и были не прочь поживиться тем, что плохо лежит. Терренс Рэндалл с первого дня записал их в любимчики, а Коннелли постарался сделать так, чтобы старожилы плантации это накрепко усвоили. Много ума не надо, чтобы не становиться у фаворитов на пути, когда они не в духе или когда, выпив всю брагу, буянят в воскресенье после работы.

Здоровый как бык Блейк, который ел и вкалывал за двоих, вскоре стал живым примером финансовой прозорливости Терренса Рэндалла. Одно потомство от такого молодца сулило кучу денег. Он постоянно затевал потасовки не только с друзьями, но и с прочими, красуясь, поднимая пыль до небес и неизменно выходя победителем. Когда он пел, его зычный голос разливался над полем, и даже те, кто презирал его, начинали подтягивать. Человек он был поганый, но под звуки, которые извергало его тело, работа спорилась.

Покрутившись несколько недель на плантации, Блейк, подумывавший о том, что бы ему урвать на соседней, северной части поместья, решил, что Корина грядка отлично подойдет, чтобы держать на ней собаку. Солнце, ветерок, да в двух шагах – чего еще надо? Как-то после

⁴ Фанти – народ группы акан с территории современной Ганы.

⁵ Мандинго – один из народов, обитающих на северо-западе Африки.

одной из отлучек в город он вернулся в сопровождении дворняги. Псина на плантации прижилась: пока Блейк был на работе, она болталась возле коптильни и от каждого шороха в ночи заходилась брехливым лаем. Блейк умел по мелочи плотничать – тут, вопреки обыкновению, агент, пытавшийся набить ему цену, не солгал. Для своей шавки он сколотил будку, которой перед всеми хвастался. Будку искренне хвалили, потому что она вышла на славу – ладный домик с правильными углами, дверцей на петлях и прорезными силуэтами солнца и полумесяца на задней стенке.

– Скажи, красота? – спрашивал Блейк у старого Абрахама. Ему вдруг понадобилось беспристрастное мнение.

– Работа тонкая. Там внутри, поди, и кровать есть?

Блейк действительно стачал наволочку и набил ее мхом. По его мнению, лучшего места для будки, чем полоска земли рядом с его хижинкой, было не найти. Раньше Кора была для него пустым местом, но теперь, когда она стояла рядом, он посмотрел ей в глаза, предупреждая, что он ее запомнил.

Кора пыталась звать к тем, кто, как она знала, был в долгу перед ее матерью. Ее послали куда подальше. Бо, которую Мэйбл выходила после лихорадки, отдавая ей свой ужин и отпавшая бульоном с кореньями, пока несчастная не открыла наконец глаза, так вот, эта самая Бо, пробавлявшаяся шитьем, сказала, что свой долг вернула, причем с лихвой, а Коре посоветовала убраться к Иову, где ей самое место. Кора помнила, как после пропажи кое-какого садово-огородного инструмента Мэйбл обеспечила алиби Кальвину. Не сочини она тогда что-то в его оправдание, то Коннелли, известный за плечных дел мастер, своей плеткой-девятихвосткой спустил бы с Кальвина шкуру. А Мэйбл, если бы ее обман выплыл, грозила бы та же самая участь. Кора прокралась к Кальвину после ужина: помоги, умоляю! Он только отмахнулся. Мэйбл, кстати, говорила, что так и не дозналась, куда он сплавил пропавший инструмент.

Прошло какое-то время после того, как Блейк публично заявил о своих притязаниях, и однажды утром, когда Кора прибежала из хижинки Иова проверить свою грядку, ее ждала неприглядная картина. Рассвет выдался холодный, и землю покрывала млечная роса. Внезапно она увидела, что осталось от ее ранней капусты. Выкорчеванные побеги, сваленные в кучу у крыльца Блейка, успели подвднуть. Землю перекопали и утрамбовали, так что получился двор вокруг собачей будки, которая торчала посреди ее грядки, словно барский особняк в самом сердце плантации. Псина, будто зная, чью землю захватила, высунула из будки морду, выказывая Коре свое презрение.

Заслышав лай, на пороге вырос Блейк. Он встал, скрестив руки, и сплюнул.

Краем глаза Кора заметила людей вокруг – шушукающиеся бурчащие тени. Смотрят на нее. Ее мать в могиле. Ее саму переселили в лачугу для отребья, и ни один человек не встал на ее защиту. А теперь этот громила, в три раза крупнее ее, забрал себе ее собственность. Кора лихорадочно обдумывала, что делать. Сегодня, когда она стала старше, можно было бы кинуться к соседкам по хижине Иова, к Милашке, но это сегодня. А тогда?

Ее бабушка Аджарри не раз обещала раскроить череп каждому, кто хоть пальцем тронет ее землю. И Коре всегда казалось, что это чересчур. Как во сне, она дошла до хижинки Иова и сдернула со стены тесак, с которого не спускала глаз бессонными ночами. Он остался от кого-то из прежних обитателей, нашедших свой страшный конец либо от чахотки, либо от порки плетью, либо от поноса, изнурительного поноса, когда с говном вываливаются на пол кишки.

В деревне уже прослышали о случившемся, и высыпавшие из лачуг зеваки в нетерпении тянули шеи. Кора проследовала мимо них, пригнувшись, словно двигалась против ураганного ветра. Ни один человек не сделал попытки остановить ее, настолько абсурдным казалось все происходящее. Первый удар тесака обрушил крышу будки. Собака завизжала, потому что от ее хвоста осталась половина, и бросилась в укрытие за хозяйским домом. Вторым ударом Кора

снесла левую стенку будки, а последним окончательно сравнивала ее с землей. Она стояла, тяжело дыша, зажав тесак в обеих руках. Лезвие ходило туда-сюда, словно в противостоянии с призраком. Шутить Кора не собиралась.

Сжав кулаки, Блейк шагнул ей навстречу. Его соплеменники маячили у него за спиной напирая. Вдруг он остановился. Что произошло в тот момент между двумя этими персонажами – здоровенным верзилой и щуплой девчонкой в белом платишке, – можно объяснить в зависимости от точки зрения. Наблюдавшие за происходящим со стороны старых хижин видели, что лицо Блейка исказилось от изумления и боли, как у человека, наступившего на осиное гнездо. Те, кто стоял у новых лачуг, видели, что взгляд Кору мечется туда-сюда, словно она оценивает наступающего неприятеля, причем не отдельного человека, а неприятеля в широком смысле. Она готова была сразиться с армией. Вне зависимости от исхода важнее всего был посыл, читавшийся и в позе, и в выражении лица. Этот посыл гласил: если сунешься, пеняй на себя, – и противная сторона считала правильно. Они стояли друг перед другом, пока Элис не ударила в гонг. Время завтрака, лишаться похлебки никто не собирался. Вечером, вернувшись с хлопкового поля, Кора привела грядку в порядок и прикатила к ней кленовый чурбачок, оставшийся от какой-то стройки. На этом чурбачке она восседала теперь каждую свободную минуту.

Если до Авиных интриг Кора была в лачуге Иова чужой, то теперь она стала там своей. Самой злосчастной, самой долговременной ее обительницей. Работа рано или поздно докапывала увечного, умалишенных либо продавали по дешевке, либо они сами кидались на нож. В лачуге ненадолго появлялись новые жильцы. А она оставалась. Оставалась у себя дома.

Будку Кора порубила на дрова. Благодаря этому обитатели хижины Иова не зябли целую ночь, но связанная с будкой легенда окружала Кору до ее последнего дня на плантации Рэндаллов, превращая девочку в меченую. Блейк и его дружки начали болтать про нее разное. Блейк подробно расписывал, как однажды, проснувшись за конюшнями, увидел стоявшую над собой Кору с тесаком в руках. По его словам, она выла. Блейк, прирожденный актер, мастерски изображал эту сцену в лицах, на потеху публике. Едва у Кору под платьем наметилась грудь, как Эдвард, самый гнусный тип их шайки, начал похвастаться, что Кора задирает перед ним подол, похотливо с ним заигрывая и угрожая снять с него скальп, если он не ответит ей на чувства. Девицы на плантации якобы видели, как в полнолуние она крадучись выходит из хижины и бежит в лес, чтобы совокупляться там с ослами и козлищами. Даже те, кто находил подобные истории маловероятными, почитали за лучшее не числить странную девочку среди порядочных.

Не успела в Коре расцвести женщина, как Эдвард, Пот и еще парочка невольников с южной части плантации затащили ее за коптильню. Те, кто видел и слышал, что там творилось, решили не вмешиваться. Женщины из хижины Иова потом собирали Кору по кускам. Блейка к тому времени на плантации уже не было. Возможно, однажды заглянув ей в глаза, он предупредил бы своих дружков, чтобы с ней не связывались, себе дороже выйдет. Но его уже не было. Через три года после того, как Кора порубила собачью будку, Блейк бежал и несколько недель прятался на болотах. Выдал его лай злополучной собаки. И Кора могла бы сказать, что поделом, не будь наказание беглого негра при поимке таким, что о нем и думать нельзя было без дрожи.

Большой стол уже выволокли из кухни и теперь стряпали на нем яства к праздничной трапезе. На одном конце охотник свеживал енотов, на другом Флоренс скоблила гору сладкого картофеля. Под большим котлом трещал и посвистывал огонь. В закопченной посудине вскипал суп, куски капусты металась вокруг свиной головы, которая то тонула, то взмывала на поверхность, проглядывая сквозь серую пену. Честер попытался стащить пригоршню коровьего гороха, но тут же получил от Элис поварешкой.

– Что ж ты сегодня, Кора, с пустыми руками? – спросила Элис.

– Так рано ж еще, ничего не выросло, – отозвалась девушка.

Элис для виду разочарованно вздохнула и снова занялась стряпней.

«Вот она, неправда», – сказала себе Кора, делая зарубку в памяти. То, что на грядке ничего не выросло, тоже было неправдой. На прошлый праздник она пожертвовала на общий стол два кочана капусты, которые были благосклонно приняты, но выходя из кухни, Кора допустила тактический просчет: зачем-то оглянулась на пороге и увидела, как Элис отправляет ее капусту в ведро с помоями. Пошатываясь, она вышла на воздух. Неужели стряпуха брезгует ее овощами? Неужели таким вот образом она поступала с каждой репой или брюквой, с каждым пучком свежей зелени, которые Кора в течение пяти лет отрывала от себя? С кого это началось? С Кору? С Мэйбл? С бабки Аджарри? У лиха был свой черед, одно тянуло за собой другое, только успевай уворачиваться.

Выяснить с Элис отношения было бессмысленно. Она слыла любимой поварихой в семье старого Рэндалла, а теперь и в доме Джеймса, который вырос на ее сладких пирожках с начинкой.

Братья Рэндаллы.

Джеймса с малолетства можно было унять каким-нибудь лакомством с кухни Элис. Сахарное яблоко как рукой снимало любую истерику или вспышку бешенства. Его младший брат Терренс был не таков. У кухарки рядом с ухом до сих пор сохранился желвак – памятка о том, как юный мастер Терренс выразил свое недовольство приготовленным ею бульоном. Ему тогда было десять. Норов проявился буквально с первых шагов, а подступающая зрелость и примеряемые на себя властные полномочия эти гнусные качества только отшлифовывали. Если у Джеймса был нрав наutilusа, погруженного в глубины собственного аппетита, то Терренс готов был идти на abordаж даже против «Летучего голландца». Ну, что скажешь, хозяин – барин.

Кора шла под грохот кастрюль и вопли негритят, предвкушавших угощение. С южной части плантации не доносилось ни звука. Много лет назад братья Рэндаллы, бросив монетку, разграничили полномочия, и именно это сделало возможным сегодняшний праздник. Рэндалл-младший на увеселения рабов смотрел косо, на его землях они были не заведены. Каждый из братьев управлял своей частью отцовского наследства сообразно собственному темпераменту. Джеймс довольствовался стабильными урожаями модной культуры – хлопчатника – и пусть медленным, но неуклонным приростом доходов от поместья. Земля и трудившиеся на ней негры давали в итоге больше, чем мог предложить любой банк. Терренс предпочитал более рискованные стратегии, стремясь любой ценой увеличить грузы, отправляемые в Новый Орлеан. Если черная кровь – это деньги, то рачительный хозяин, чтобы пустить ее, без зазрения совести перережет неграм вены. Он выжимал из своих рабов все, до последнего доллара.

Честер с мальчишками вцепились Кору, и она вздрогнула от неожиданности. Да ладно, это же просто детвора. Им охота бегать взапуски. Обыкновенно Кора выстраивала их в линию, следила, чтобы никто не заступал за черту, унимала непосед, а бывало, отправляла кого-то состязаться с детьми постарше. Так в этом году она поступила с Честером. Он тоже рос беспризорником. Его родителей продали, когда ему еще года не было. Кора присматривала за ним. Коротко стриженный, с воспаленными глазами, он за последние полгода здорово вытянулся. Работа на хлопке разбудила что-то в его гибком теле. Коннелли, скупой на похвалы, сказал, что из него получится отменный сборщик.

– Чтоб быстро бежал сегодня, – сказала Кора.

Он скрестил руки на груди и посмотрел на нее искоса: дескать, разберемся. Честер, сам того не зная, потихоньку превращался в мужчину. На будущий год он уже не станет бегать взапуски, а будет с друзьями подпирать стенки, замышляя какую-нибудь выходку.

Рабы, и стар, и млад, собирались по сторонам тележной дороги. Подходили женщины, потерявшие детей, чтобы вновь терзаться тем, что судьба пообещала, но отняла и не даст уже

никогда. Группы мужчин угощали друг друга брагой, чувствуя, как унимается в их душах обида. Женщины из хижины Иова редко участвовали в общих сборищах, но Нэг удалось выманить их, ловко отогнав малышню в сторону, чтобы не мозолили глаза.

Милашка, судившая гонку, стояла на финише. Дети не догадывались, но взрослые знали, что в победители она стремится протащить своих любимчиков. Там же, на финише, восседал в кленовом кресле-качалке Пройдоха. Он сидел в нем на крыльце ночи напролет, глядя на звезды, а в дни рождения вытаскивал его на улицу, чтобы быть в гуще веселья, устраиваемого в его честь. Пробежав дистанцию, участники забега подходили к Пройдохе, который наделял каждого, независимо от занятого места, куском имбирной коврижки.

Честер тяжело дышал, упираясь руками в колени. К концу дистанции он скис.

– Почти победа, – сказала ему Кора.

– Почти, – хмыкнул мальчуган и пошел за своим куском пирога.

После последнего забега Кора подошла к старику и потрепала его по руке. Интересно, он видит что-нибудь через свои бельма?

– Сколько тебе лет? – спросила она.

– Дай подумать, – пробормотал он сонно.

В прошлый свой день рождения он сказал, что ему сто один год. Даже если вполтину меньше, он все равно был самым старым негром на северной и южной частях плантации Рэндаллов. Тут уже, по большому счету, не важно, будь тебе девяносто восемь или сто восемь. Жизни удивить тебя нечем, разве что очередным воплощением жестокости.

Может, шестнадцать, может, семнадцать. Так Кора отсчитывала собственные годы. Год назад Коннелли велел ей идти замуж. За год до того ее обработали Пот с дружками. Они не стали больше насильничать, но с той поры, учитывая недобрую славу о хижине Иова и рассказни о том, что она с приветом, ни один стоящий парень в ее сторону даже не посмотрел. Шесть лет назад она осталась беспризорицей.

Пройдоха со своими днями рождения все правильно рассчитал, одобрительно подумала Кора. В одно прекрасное воскресенье он просто просыпался и говорил, что у него сегодня день рождения. Иногда такое случалось по весне, в самый разгар дождей, иногда по осени, после страды. Иногда он пропускал пару-тройку лет по забывчивости или по каким-то личным обидам, когда ему казалось, что негры на плантации праздника не заслуживают. С его капризами все мирились. В глазах остальных он был самый старый цветной из всех, кого они когда-нибудь встречали, испытавший на себе все мыслимые и немыслимые пытки, которые только могли прийти в голову белым. У него были бельма на обоих глазах, одна нога короче другой, искалеченная рука, сведенные пальцы которой навеки сомкнулись вокруг невидимого черенка лопаты, но он был жив.

Белые оставили его в покое. Старый Рэндалл смотрел на его дни рождения сквозь пальцы, и его сын Джеймс, вступивший в права наследства, делал то же самое. Коннелли, надсмотрщик, старался не лезть в бутылку, когда по воскресеньям выяснялось, кого именно из девушек с плантации Пройдоха в этом месяце выбрал себе в жены. По поводу всего этого белые как воды в рот набрали: либо не хотели связываться, либо решили, что свобода в малых дозах – лучшая из пыток, поскольку превращает полную свободу в недостижимую мечту.

Рано или поздно праздник придется на истинный день рождения Пройдохи. Если он до этого доживет. Нет, правда, начини Кора год за годом выбирать себе новый день рождения, то, глядишь, когда-нибудь и попадет в точку. Например, сегодняшний день вполне мог бы оказаться днем ее рождения. На самом деле, что с того, если знаешь, когда именно появился на свет в этом мире для белых? Зачем такое помнить? Это лучше забыть.

– Кора!

Большая часть невольников с северной половины плантации отправилась на кухню угощаться, но Цезарь мешкал. Вот он, значит, какой. С момента его появления на плантации они

ни разу и словом не перекинулись. Новичков быстро предупреждали о женщинах из хижины Иова, чтобы они времени зря не тратили.

– Может, поговорим?

Джеймс Рэндалл купил его и еще троих рабов у заезжего торговца года полтора назад, после эпидемии лихорадки: женщины, одна и другая, стали прачками, а Цезарь и Принс пополнили ряды полевых негров. Кора видела, как он режет по дереву, ковыряет изогнутым лезвием сосновые чурбаки. С буйными компаниями вроде не якшался, но, кажется, подкатывал к Фрэнсис, одной из горничных. Интересно, он с ней спит? Милашка наверняка знает. Кора все как маленькая, а Милашка всегда в курсе, кто с кем и какой будет расклад.

– Тебе чего надо? – осторожно спросила она.

Он даже не взглянул по сторонам, чтобы проверить, не подслушивает ли их кто-нибудь. Подслушивать было некому, он все заранее рассчитал.

– Я на Север собираюсь, – произнес Цезарь. – Бежать хочу. Скоро. Пойдешь со мной?

Кора пыталась угадать, кто его подослал, чтобы сыграть с ней такую шутку.

– Ты собираешься на Север, а я собираюсь на ужин.

Цезарь держал ее за руку, бережно, но настойчиво. У него было поджарое сильное тело, как у всех молодых, кто работал на хлопке, но свою силу он носил играючи. Круглое лицо с широким приплюснутым носом, еще, кажется, ямочки на щеках, когда он смеется. Почему вдруг эти ямочки мелькнули у нее в голове?

– Я не хочу, чтобы ты на меня донесла, – сказал Цезарь. – Так что приходится тебе доверять. Я скоро ухожу. И зову тебя с собой. На удачу.

Она его раскусила. Ты не меня обманываешь. Ты обманываешь себя, простофиля. Запах енотового мяса напомнил ей, что праздник в разгаре, и она высвободила руку.

– А я не хочу умереть от руки Коннелли, пули патрульщиков или ядовитых змей.

Склонившись над первой миской супа, она все не могла перестать кривиться по поводу Цезаревой дурости. Белые каждый день пытаются медленно угробить тебя. А иногда они пытаются угробить тебя по-быстрому. И какой смысл подставляться по доброй воле? Это как раз тот случай, когда ты вправе сказать «нет».

Милашку она нашла, но спрашивать ее о сплетнях про Цезаря и Фрэнсис не стала. Если он всерьез задумал такое, то Фрэнсис, считай, вдова.

Но с тех пор, как ее переселили в хижину Иова, ни один парень на плантации ни разу не говорил с ней так долго.

Близился поединок борцов. Зажглись факелы, и откуда ни возьмись появились кукурузная водка и брага – их пустили вкруговую, чтобы поддержать энтузиазм зрителей. К этому времени мужья, жившие на южной части плантации, подросли с воскресным визитом к своим женам. Пока отмахиваешь пешком несколько миль, фантазия успевает разыграться. Предстоящие супружеские ласки одних жен радовали больше, других меньше.

– Вот с таким бы я поборолась, – хихикнула Милашка, стреляя глазами в сторону Мейджора.

Мейджор, словно по команде, посмотрел на нее. Этот паренек вот-вот превратится в отменного мужика. Работящий, так что десятники на него лишний раз хлыст поднимать не станут. К Милашке в силу ее возраста относятся с почтением, поэтому, глядишь, Коннелли их и сведет вместе. Мейджор и его соперник извивались на траве. Ну, давайте, лупите друг друга, раз не можете лупить кого следует. Мальчишки, протиснувшись между взрослыми, заключали друг с другом пари, хотя ставить им было нечего. Это сейчас они дергают сорняки и таскают мусор, но в один прекрасный день работа на хлопке сделает из них таких же больших и крепких парней, как те, что сейчас выкручивают друг другу руки, пытаясь уложить соперника на лопатки. Давай, задай ему жару, пусть знает, с кем дело имеет!

Когда заиграла музыка и начались танцы, все в очередной раз оценили, какой же Пройдоха молодец, ведь он как всегда точно угадал со своим днем рождения. Он всякий раз улавливал это общее напряжение, это разлитое в воздухе предчувствие беды, нависавшее над их каждодневным рабским бытом. Оно нарастало. И вот за несколько часов эта черная туча почти рассеялась. И про завтрашнее утро на хлопке можно было думать без дрожи. И про послезавтрашнее тоже. И про множество других дней, потому что души невольников наполнялись, пусть не досыта, воспоминаниями об этой теплой ночи и предвкушением грядущих дней рождения. Внутри хоровода душе было где спрятаться от царящего снаружи убожества.

Нобль поднял над головой бубен и ударил в него. Он слыл проворным сборщиком хлопка на поле и первым заводилой в деревне. Сегодня ночью пригodiлось и то, и другое: ладони хлопают, локти присогнуты, бедра ходят вправо-влево.

Есть музыкальные инструменты, и есть те, кто на них играет, но порой не скрипач играет на скрипке, а скрипка начинает играть на нем, подчиняя его мелодии. Так случилось, когда на гуляньях Джордж и Уэсли брали в руки один скрипку, другой банджо. Пройдоха сидел в своей качалке, притоптывая босыми ногами о землю. Рабы шагнули в круг и пустились в пляс.

Кора не пошла танцевать. Музыка закружит, а потом оставит тебя один на один с мужчиной, а кто знает, что у него на уме? Все в движении, делай что хочешь. Он может притянуть тебя к себе, взять тебя за руки, пусть даже без дурных мыслей. На одном из дней рождения Пройдохи Уэсли сыграл им мелодию, которую выучил, когда жил на Севере, поэтому никто из них ее никогда не слышал. Кора не удержалась и, зажмурившись, пошла кружиться вместе с остальными, а когда открыла глаза, перед ней стоял Эдвард с горящим взглядом. Даже после того, как ни Эдварда, ни Пота уже на свете не было – Эдварда вздернули за попытку обмануть весовщика, подложив в мешок с хлопком камни, а Пот от крысиного укуса пошел черно-лиловыми пятнами и тоже давно в земле, – Кора содрогалась при одной мысли о том, что хоть на мгновение даст себе волю. Джордж наяривал на своей скрипке, ноты взметывались в небо, как искры ночного костра. Никто не подошел к Коре, чтобы затащить ее в общее безумное веселье.

Музыка прекратилась. Хоровод рассыпался. На миг раба может подхватить вихрь свободы. Убаюкать сладкой грезой промеж вспаханных борозд, промелькнуть в запутанных хитросплетениях предрассветного сна. Настигнуть на середине куплета в жаркую воскресную ночь. И всегда тут же – крик надсмотрщика, сигнал на работу, тень хозяина, напоминание о том, что в вечном своем рабстве человеком тебе дано быть только мгновение.

Из большого дома вышли братья Рэндаллы и теперь стояли среди невольников.

Рабы расступились, тщательно выверяя, какое расстояние подчеркнет правильное соотношение почтительности и страха.

Годфри, лакей Джеймса Рэндалла, держал в руках фонарь. Если верить старому Абрахаму, старший из братьев пошел в мать, толстую и непоколебимую, как бочка, а младший, Терренс, был весь в отца: высокий, с лицом хищного сыча, готового камнем броситься на жертву. От отца они унаследовали не только плантацию, но и портного, который раз в месяц приезжал из города в экипаже с образцами льняных и хлопковых тканей. С самого детства братьев одевали одинаково, и, став взрослыми, они не изменили своих привычек. Над чистотой их белоснежных панталон и рубашек бились черные руки местных прачек. В оранжевом отсвете костра их выступившие из темноты белые фигуры казались призраками с того света.

– Масса Джеймс, – пробормотал Пройдоха. Его здоровая рука сжала подлокотник кресла, но сам он не пошевелился. – Масса Терренс.

– Не обращайтесь на нас внимания, – отозвался Терренс. – Мы с братом говорили о делах, а потом услышали музыку. И я у него еще спросил, что это за дикий грохот.

Рэндаллы потягивали вино из хрустальных бокалов и, судя по всему, уже опорожнили не одну бутылку. Кора искала глазами Цезаря в толпе и не нашла. В прошлый раз, когда оба

брата вместе приходили на северную половину плантации, его тоже не было. А это уроки, которые надо хорошо выучивать. Когда Рэндаллы вдруг появляются в деревне, жди беды. Не сейчас, так после. В твою жизнь вторгается неведомая сила, которую ты не можешь предсказать.

Джеймс вообще был в деревне редким гостем. Все насущные дела он препоручил своему клеврету Коннелли. Если с визитом случался какой почтенный сосед или любопытствующий плантатор из далеких краев, он соглашался лично показать ему поместье, но такое случалось не часто. С неграми он не разговаривал, а те, вымуштрованные плетью, продолжали работать в его присутствии, не поднимая глаз. Когда во владениях старшего брата появлялся Терренс, он сразу же принимался оценивать его рабов, подчеркивая, какие мужчины сильнее, а женщины привлекательнее. Если на половине брата он довольствовался лишь похотливыми взглядами, то на своей части плантации давал себе полную волю.

– Я люблю пробовать свои черносливинки, – говаривал он, выискивая в хижинах новенькую себе по вкусу.

Чужих уз и привязанностей он не щадил, заявляясь к новобрачным в их первую ночь, чтобы наглядно продемонстрировать мужу, как именно следует выполнять супружеский долг. Свои черносливинки он пробовал, кожу надкусывал и навсегда оставлял отметину.

Все знали, что Джеймс не по этой части. В отличие от отца и младшего брата он предпочитал утеху за пределами плантации. Время от времени на ужин приглашались дамы из округа, и тогда Элис из кожи вон лезла, стряпая самые изысканные, самые соблазнительные яства. Старая миссис Рэндалл уже много лет как умерла, и Элис верила, что появление на плантации женщины сможет облагородить нравы. Джеймс месяцами принимал у себя этих бледных особ, одну за другой. Их белые ландо подпрыгивали на грунтовой дороге, ведущей к большому дому. Кухарки и горничные хихикали и перешептывались. Потом очередная пассия исчезала, и на ее место заступала новая.

По словам камердинера Прайдфула, плотские утехы Джеймс вкушал исключительно в специальных номерах одного новоорлеанского заведения. Мадам придерживалась широких взглядов, на жизнь смотрела современно и была сведуща в прихотливых модуляциях похоти. Прайдфул рассказывал такое, что уму непостижимо, и хотя, как он уверял, все сведения были получены напрямую от тамошней прислуги, с которой за долгие годы он успел коротко сойтись, но кто же поверит, чтобы белый человек соглашался добровольно подвергать себя порке?!

Терренс ковырял землю концом трости. Это была отцовская трость с серебряным набалдашником в виде волчьей головы. Спины многих присутствующих помнили ее удары.

– Джеймс мне как-то рассказывал о негре, который наизусть декламирует Декларацию независимости, – проронил он. – Мне до сих пор не верится, и вот сегодня, раз уж, судя по шуму и грохоту, вы все тут собрались, мне бы хотелось на него взглянуть. Покажешь, Джеймс?

– Сейчас устроим, – отозвался Терренс-старший. – Где этот парень, как его, Майкл?

Никто не произнес ни слова. Годфри отчаянно размахивал во все стороны фонарем. Из всех десятников Мозеса угораздило встать к Рэндаллам ближе всех, поэтому, откашлявшись, он осторожно ответил:

– Помер Майкл, масса Джеймс.

Одного из негритят он успел послать за Коннелли, рискуя нарушить его воскресное греховодничество с очередной наложницей, но, взглянув на выражение лица Джеймса Рэндалла, понял, что с ответом лучше не мешкать.

Майкл, о котором шла речь, действительно обладал способностью затверживать наизусть длинные отрывки текста. Коннелли со слов работорговца, уступившего им Майкла, рассказывал, что его прежний владелец, находясь под глубоким впечатлением от говорящих попугаев-амазонов, рассудил, что коли птицу можно обучить разухабистым стишкам, то уж невольника и подавно, ведь мозг ниггера даже на взгляд больше птичьего.

Майкл был сыном его кучера и обладал той животной смышленостью, какой порой отличаются свиньи. Хозяин и подвернувшийся ему под руку ученик начали с простеньких виршей и коротких отрывков из сочинений английских рифмоплетов. Они спотыкались о слова, которых черномазый не понимал вовсе, да и хозяин, по совести, понимал с грехом пополам. Этот отпетый мошенник, которому в приличном обществе было не раз указано на дверь, напоследок возжелал отмщения и к этому-то отмщению твердо решил направить свой парус. Они сотворили невозможное – сын кучера и владелец табачной фермы. Декларация независимости США стала их лебединой песней. «Набор бесчисленных несправедливостей и насилий».

Талант Майкла так навсегда и остался салонной забавой, его выводили на потеху гостям, когда разговор дежурно касался ущербности и убогости черномазых. Потом хозяину все наскучило, и он продал Майкла на Юг. К тому времени, как парень оказался на плантации Джеймса Рэндалла, из-за наказаний, а может, и пыток, он поехал умом. Работник он был так себе, все жаловался на шум и порчу, которую навели, чтобы лишить его памяти. Коннелли под горячую руку выбил у него из башки те немногие мозги, что там водились. Порка была такой, что после нее не встанешь, и она свое дело сделала.

– Почему мне не сообщили? – спросил Джеймс с плохо скрываемым раздражением.

Декламацию Майкла уже дважды демонстрировали гостям, это было хоть какое-то развлечение.

– Тебе, Джеймс, надо получше следить за своим хозяйством, – язвительно бросил Терренс, никогда не упускавший случая уколоть брата.

– Не твое дело, – огрызнулся старший.

– Мне рассказывали, что ты позволяешь своим рабам устраивать гулянья, но тут просто настоящий кутеж. Уж не хочешь ли ты на этом фоне выставить меня злодеем?

– Брось, Терренс, только не говори мне, что тебе важно, что о тебе думают ниггеры.

Джеймс повернулся в сторону дома. Его стакан был пуст.

– Нет, погоди, меня от их песен разобрало. Пусть еще споют.

Джордж и Уэсли испуганно жались в сторонке, ни Нобля, ни его бубна видно не было. Джордж сжал губы в нитку и жестом приказал музыкантам начинать.

Трость Терренса отбивала такт. Оглянувшись на толпу невольников, он разочарованно протянул:

– Вы что, не желаете танцевать? Нет уж, извольте, ты и ты, живо!

Не дожидаясь сигнала от хозяина, толпившиеся в проулке рабы с северной половины плантации вразнобой пошли плясать, отчаянно пытаясь вызвать к жизни прежний ритм, чтобы устроить для хозяев представление. Кривобокая Ава, у которой способности притворяться не убыло с той поры, как она ела поедом Кору, сейчас гикала и притоптывала ногами так, словно на дворе был разгар рождественского веселья. Представление на потеху хозяевам было привычным делом, напускной личиной со своими тонкостями и преимуществами, поэтому, отринув страхи, невольники очертя голову пустились в пляс. Какие коленца они выкидывали, какие прыжки, как перекликались, как вопили! Мир не слышал песни зажигательнее; ни один цветной музыкант не смог бы превзойти их. Кору тоже затащило в круг. Она, как и остальные, не сводила с Рэндаллов глаз. Пройдоха лупил себя по коленям, отбивая ритм. Кора нашла в толпе лицо Цезаря, стоявшего в тени кухни. Оно было непроницаемым. Потом он стушевался.

– Ах ты, гаденыш!

Это был голос Терренса.

Он стоял, вытянув перед собой руку, словно замаранную чем-то, одному ему видимым. Кора разглядела, что это было: на манжете его тонкой белой рубашки алело крохотное винное пятнышко. Расплясавшийся Честер толкнул хозяина.

С причитаниями мальчик упал Терренсу в ноги:

– А-а-а, простите, масса, простите!

Трость с размаху опускалась на его голову и плечи, снова и снова, снова и снова. Под градом ударов негритенок с визгом вжался в землю. Рука Терренса поднималась и падала. Джеймс утомленно смотрел в сторону.

Из-за одной брызнувшей на рубашку капли вина. Кора чувствовала, как что-то поднимается снизу. Долгие годы с того дня, как она тесаком порубила собачью будку в щепы, с ней не случалось подобного. Она видела висевшие на ветвях деревьев тела, которые расклевывали грифы и вороны. Видела женщин, с которых спускали шкуру ударами плетки-девятихвостки, так что обнажались кости и мясо. Видела трупы, жарившиеся на кострах, видела тех, кого жарили заживо. Видела ступни ног, отрубленные за побег, и кисти рук, отсеченные за воровство. Видела, как бьют мальчишек и девчонок младше Честера, и ничего не делала. Но в эту ночь ее сердце снова захлестнуло, и прежде чем рабыня в ней сумела возобладать над человеком, она, не помня себя, бросилась к мальчику и встала между ним и тростью. Кора стиснула трость в руке, как обитатель болот сжимает пальцами змею, и не сводила глаз с набалдашника. Серебряный волк скалил свои серебряные зубы. Потом трость вырвалась у нее из рук. Потом она опустила ее на голову. Потом еще один удар, на этот раз серебряные зубы впились ей в глазницу. Земля вокруг была залита кровью.

В том году в хижине Иова жили семь женщин. Самую старшую из них, Мэри, отправили сюда, потому что с ней случалась падучая. Она каталась по земле с выпученными глазами и пеной изо рта. Много лет подряд она враждовала с другой сборщицей хлопка, Бертой, и та, в конце концов, навела на нее порчу. Старый Абрахам, правда, утверждал, что падучая у Мэри с рождения, но кто ж его будет слушать. Даже если это так, те, детские припадки с нынешними рядом не стояли. Очнувшись, она ничего не соображала, чувствуя только вялость и апатию, поэтому работать не могла, что влекло за собой наказание, после которого она вновь не могла работать. Человека, впавшего у десятника в немилость, мог обидеть любой, поэтому, опасаясь издевательств со стороны соседей, Мэри со своим скарбом сама перебралась в хижину Иова. Тащилась по проулку, нога за ногу, никто ее не остановил.

В коровнике с ней вместе работали Маргарет и Рида. Этих двоих до появления на плантации Рэндаллов так искорежили пережитые мучения, что прижиться на новом месте они не смогли, так и остались торчать занозами. У Маргарет в самые неподобающие моменты из глотки вырывались чудовищные звуки: звериные вопли, отчаянный вой или грубая брань. Когда хозяин обходил свои владения, она обеими руками зажимала рот, боясь, что он заметит ее хворобу. Риду ни кнутом, ни пряником нельзя было заставить мыться. От нее воняло.

Люси и Титания не разговаривали: первая не желала, а вторая не могла, потому что прежний владелец отрезал ей язык. Обе работали на кухне под началом Элис, которой слушать собственный голос нравилось больше, чем терпеть рядом чужую трескотню.

Еще две той весной порешили себя – многовато, конечно, но, в общем-то, ничего примечательного. Их все равно никто ни в грош не ставил, так что к началу зимы все уже благополучно забыли, как их звали.

И последние – Нэг с Корой, уделом которых был хлопок, от сбора до фасовки.

К концу рабочего дня Кору не держали ноги, и Нэг, подхватив ее, потащила девушку в хижину Иова. Десятник видел, как они почти ползут с поля домой, но не сказал ни слова. Корино очевидное для всех безумие служило индульгенцией от каждодневных нагоняев. Проходя мимо Цезаря, который что-то выстругивал ножом из дерева под навесом, где толкались молодые невольники, Кора привычно отвела взгляд. Лицо ее было каменным, как всегда при встрече с ним после их разговора о побеге.

Со дня рождения Пройдохи миновало две недели, но Кора до сих пор не оправилась. От ударов по лицу один глаз заплыл и не открывался, а на виске зияла глубокая рана. Теперь опухоль спала, но на том месте, где приложился пастью серебряный волк, остался страшный

крестообразный шрам. Памятка о ночном гулянье. Но куда больнее была порка, которую задал ей Коннелли под привыкшими ко всему сучьями пыточного дерева.

Коннелли был одним из белых, нанятых для работы еще стариком Рэндаллом. Вступив в права наследства, Джеймс оставил его надсмотрщиком на своей части плантации. Когда Кора была маленькой, ирландские рыжие кудри Коннелли полыхали из-под полей соломенной шляпы, словно крылья красного кардинала. Сперва он прятался от солнца под широким черным зонтом, но в конце концов бросил, так что теперь белизна рубахи резко контрастировала с дочерна загоревшей кожей. Волосы с годами поседели, брюхо стало нависать над ремнем, но в остальном это был тот же человек, который порол плетью ее бабуку и мать. По деревне он вышагивал, скособочившись, словно старый вол, и ничто на свете не могло заставить его прибавить шаг. Движения Коннелли обретали скорость только в тех случаях, когда подворачивался случай пустить в ход девятихвостку. Тут его охватывала буйная энергия ребенка, упивающегося новой забавой.

История, которая вылезла наружу во время неожиданного появления Рэндаллов в деревне, старого надсмотрщика не порадовала. Во-первых, его оторвали от плотских утех с Глорией, его нынешней бабой. Гонцу он всыпал, но из койки вылез.

Во-вторых, вся эта история с Майклом. О его гибели Коннелли хозяину не докладывал, поскольку Джеймса Рэндалла текучка рабочей силы на плантации никогда не интересовала, но Терренс своими расспросами заострил на этом внимание.

А тут еще Честер со своей неуклюжестью и Корино непостижимое заступничество. На рассвете следующего дня Коннелли исполосовал обоих. Первым, согласно хронологии проступков, свое получил Честер, а Кора за ним, да так, что окровавленные спины пришлось омыwać настоем лягушачьей травы, чтобы унять кровь. Для Честера это была первая порка в жизни, для Кору – первая за последние полгода. Спустя сутки Коннелли экзекуцию повторил, а потом всыпал им еще раз, для острастки. По рассказам домашних слуг, масса Джеймс сильнее всего взбеленился не из-за поведения Честера и Кору, а из-за посягательства Терренса на его собственность, да еще в присутствии многочисленных свидетелей. Это была квинтэссенция ярости старшего брата по отношению к младшему на почве собственнических интересов. Честер больше с Корой даже словом не обмолвился.

Нэг помогла девушке подняться на крыльцо. Едва они переступили порог хижины Иова, где никто из невольников уже не мог их видеть, у Кору подкосились ноги.

– Давай я принесу тебе поужинать, – сказала Нэг.

Она, подобно Коре, оказалась в хижине Иова из-за интриг. Много лет Нэг слыла фавориткой Коннелли и чуть не каждую ночь проводила в его постели. Еще до того, как надсмотрщик удостоил ее жалких своих милостей, эта крутобедрая сероглазая девка задирала нос так, будто и не цветная вовсе, но тут стала положительно несносной. Только и знала, что прихорашиваться целыми днями да злорадствовать над чужой горькой долей, которая на плантации только ее и обходила стороной. Мать ее со многими белыми господами жила невенчанной женой и дочь свою распутству обучила на славу. Даже когда Коннелли сплавил детей, которых Нэг от него нарожала, она лишь заискивающе склонилась перед его волей. Северная и южная части огромной плантации Рэндаллов все время сбывали друг другу искалеченных в порках негров, паршивых работников и всякое жулье, словно в некой игре без правил сбрасывали слабые карты. Потомство Нэг и Коннелли получилось очень приметным. Коннелли зверел, завидев, что в кудряшках его ублюдков-полукровок на солнце вспыхивает ирландская рыжина.

Однажды утром он без обиняков дал понять Нэг, что ей в его постели больше не место. Этого дня только и дожидались ее недруги. И все, кроме нее, чувствовали его приближение. Вернувшись с хлопкового поля, она обнаружила, что ее скарб уже швырнули в хижину Иова, ознаменовав тем самым ее падение в глазах деревни. Ее позора они алкали больше, чем пищи. Хижина парий закалила Нэг. Так уж получалось, что тут проступало нутро каждого обитателя.

С матерью Кору Нэг дружбы никогда не водила, что не помешало ей привязаться к девочке, оставшейся беспризорницей. Ночью после праздника и все последовавшие за ним дни экзекуций они с Мэри выхаживали Кору, врачую то, что осталось от кожи, рассолом и припарками и заставляя девушку есть. Они гладили ее по разбитой голове и пели над ней колыбельные, словно баюкая через нее детей, которых лишились. Милашка приходила проведать подругу, но дурная слава хижины Иова была ей ведома, поэтому в присутствии Нэг, Мэри и остальных женщин она дергалась и долго сидеть с Корой не могла, нервы сдавали.

Кора лежала на полу и стонала. После побоев прошло две недели, и все это время ее терзали приступы головокружения и пульсирующая боль в голове. По большей части ей удавалось, преодолевая это, работать в поле, но порой она могла только, боясь шелохнуться, стоять и ждать, пока не сядет солнце. Каждый час, когда водоноска шла вдоль поля с ковшом, она вылизывала его чуть не досуха, чувствуя на зубах металлический привкус. Сейчас силы ей совсем изменили.

Мэри подошла к ней с влажной тряпкой.

– Снова мутит? – спросила она, кладя тряпку на лоб Кору.

В ней сохранились нерастраченные запасы материнской любви к пятерым ее детям, трое из которых умерли во младенчестве, а выживших продали, едва они подросли и научились таскать воду да полоть траву на дорожках, ведущих к хозяйскому дому. Мэри и оба ее мужа были из народа ашанти, а на такой товар желающих было хоть отбавляй. Кора пошевелила губами в знак безмолвной благодарности. Стены хижины готовы были обрушиться на нее. На чердаке чем-то громыхла одна из женщин – судя по воню, Рида. Нэг растирала Коре ладони:

– Я уж и не знаю, что хуже: если ты совсем сляжешь и перестанешь мозолить им глаза или если ты выкарабкаешься и попадешься на глаза массе Терренсу, когда он сюда придет.

От неизбежности появления Рэндалла-младшего Кора совсем сникла. Джеймс Рэндалл занемог и слег после поездки в Новый Орлеан, куда прибыл для переговоров с группой торговых агентов из Ливерпуля и посещения обителю порока. На подъезде к дому с ним прямо в экипаже случился обморок, и с тех пор на плантации его не видели. Домашние негры распускали слухи, что пока старший брат не поправится, плантацией будет заправлять Терренс. Утром ему предстояло обойти северную часть, чтобы привести ее в гармонию с подвластной ему южной частью. Никто не сомневался, что гармония эта будет замешана на крови.

Руки подруг Кору куда-то ускользнули, стены хижины разжали свою хватку, и она лишилась чувств. Очнувшись она в непроглядной темноте. Кто-то положил ей под голову скатанное байковое одеяло. Вся хижина спала. Кора дотронулась до шрама на виске. Из него сочилась сукровица. Она понимала, почему бросилась на защиту Честера. Но тщетно пыталась вызвать в памяти остроту того мгновения, хотя бы малую толику обуявшего ее тогда чувства. Оно пряталось в том самом дальнем уголке ее души, откуда вдруг выплеснулось, и выманить его оттуда не было никакой возможности. Чтобы хоть как-то сладить со снедавшим ее беспокойством, Кора поползла до своей грядки, села на кленовый чурбачок, потянула носом воздух и прислушалась. На болоте кто-то охотился, темнота оживала всплесками и присвистами. Каково это – выйти туда и вперед, через ночь, на Север, к свободным штатам. На такое решиться можно, только окончательно попрощавшись с головой.

Как ее мать.

До своего побега Мэйбл – точное отражение Аджарри, которая, как попала на земли Рэндаллов, так всю жизнь с них ни ногой, – пределов плантации не покидала ни разу. Своих намерений она никак не проявляла; по крайней мере, ни один из допрашиваемых впоследствии не сознался, что знал о них, а в деревне, кишашей мелкими душонками и доносчиками, где за то, чтобы избежать порки девятихвосткой, каждый мать родную готов продать, это было делом неслыханным.

Накануне Кора заснула у матери под боком, и больше никогда ее не видела. Старый Рэндалл забил тревогу и вызвал патрульщиков. Не прошло и часа, как охотничий отряд рассеялся по болотам, еле поспевая за сворой Нейта Кетчума. У Кетчума ловля беглых негров была в крови, в его семье этим профессионально занимались из поколения в поколение. Специально выведенные и натренированные гончие брали след черномазого и шли по нему, не теряя, через несколько округов; а скольких заблудших они загрызли или покалечили! Когда эти твари рвались с поводка, делая стойку, от их лая каждому жителю деревни хотелось затаиться у себя в хижине. Но впереди лежал день на уборке хлопка, и рабам приходилось согбенно делать, что прикажут, несмотря на поднятый собаками шум и вой да на предчувствие кровавой расправы.

Объявления о розыске беглянки были расклеены в радиусе нескольких сотен миль. Свободные негры, зарабатывавшие себе на жизнь поимкой беглых, прочесывали окрестные леса и пытались выведать что-нибудь у потенциальных соучастников. Патрульщики и шайки белого отребья извели и запугали всю округу. Невольничьи деревни на соседних плантациях они перевернули вверх дном, а рабов для острастки подвергли поркам. Но ни гончим, ни загонщикам напасть на след Мэйбл не удалось.

Старик Рэндалл нанял колдунью и потребовал наложить заклятие на его земли, чтобы навести на всякого беглого, в жилах которого течет африканская кровь, страшную порчу. Ведьма позарывала в потайных местах разных фетишей, забрала причитавшееся ей вознаграждение, села в запряженную мулом повозку и была такова. После ее отъезда на плантации не утихали горячие споры о природе заклятия: на кого оно распространялось? Только на тех, кто намеревался сбежать, или на любого цветного, заступившего за магическую черту? Неделю ни один человек на болота и носа не показывал, но потом рабы опять повадились там ковыряться и охотиться, ведь без приварка туго.

Про Мэйбл не было ни слуху ни духу. На плантации Рэндаллов такое случилось впервые. Беглым ни разу не удавалось вырваться на волю: их предавали друзья, подводили звезды, уводя назад, в тенета рабства. После возвращения на плантацию их подвергали изуверским надругательствам и только потом позволяли умереть на глазах у остальных, с суеверным ужасом наблюдавших за постыдной кончиной собратьев.

Прошла неделя, и на плантацию прибыл сам Риджуэй, не к ночи будь помянутый охотник на беглых, а с ним вместе пятеро его подручных, по виду – отъявленные головорезы. Возглавлял кавалькаду зловещий индеец-разведчик, на шее которого болталось ожерелье из сморщенных человеческих ушей.

Риджуэй был шести с половиной футов ростом, с квадратным лицом и толстой, как рукоять кувалды, шеей. Ни при каких обстоятельствах он не выходил из себя, но вокруг него возникла атмосфера гнетущей угрозы, подобная грозовому фронту, который, вроде где-то далеко, но вдруг обрушивается на твою голову с неистовой силой.

Переговоры с Риджуэем длились около получаса. Он сделал какие-то пометки в маленькой книжке; на домашних слуг произвел впечатление человека крайне сосредоточенного и велеречивого. В следующий раз он появился на плантации только через два года, перед самой смертью старика Рэндалла, чтобы лично принести ему извинения за провал. На этот раз индейца с ним не было, его место занял молодой наездник с длинными черными волосами, у которого поверх кожаного жилета красовался все тот же жуткий трофей, низка ушей. Риджуэй оказался в этих краях по делам; он привез соседнему плантатору доказательства поимки двух беглых негров – две отрезанные головы в кожаном мешке. Хозяева порой предпочитали не возвращать пропавших невольников, а преподать урок оставшимся, поскольку за нарушение границы штата Джорджия беглого раба так и так ожидала смертная казнь.

Риджуэй подтвердил, что и до него дошли слухи о пущенной на юге Джорджии новой ветке подземной железной дороги, хотя поверить этому было решительно невозможно. Старик Рэндалл разразился ядовитыми комментариями. Риджуэй заверил его, что всех сочувствую-

ших предадут общественному поруганию и изведут на корню. Вымажут дегтем, вываляют в перьях, в общем, сделают все, чего требуют местные нравы. Он еще раз извинился, откланялся, и его шайка вихрем помчалась на другой конец округа, где их ждал следующий заказ. От заказчиков у них отбою не было, ибо поток беглых, таящихся по щелям да закоулкам, которых надлежало вернуть законным владельцам, не оскудевал.

Перед решительным шагом Мэйбл тщательно собирала вещи. Мачете. Кресало и трут. Пара башмаков, позаимствованных у соседки по хижине, потому что они были покрепче, чем ее собственные. Неделю за неделей опустошенная грядка красноречиво свидетельствовала о необъяснимом исчезновении хозяйки. Накануне побега она выкопала оттуда все подчистую, не оставив ни головки брюквы, ни клубенька ямса – довольно обременительная и неподходящая ноша для путешественницы, которой главное – унести ноги, да поскорее.

Оставшиеся в земле углубления и комья глины вокруг напоминали всякому проходящему мимо о том, что случилось. Но однажды утром грядка была аккуратно перекопана. Ползавшая рядом на коленях Кора засадила ее по новой. Она вступила в права наследства.

Теперь, при неверном свете луны, с раскалывающейся головой, Кора оценивающе осматривала свой крохотный огород. Сорняки, жуки-долгоносики, нечеткие отпечатки чьих-то лап. С того злополучного праздника она ни разу не была здесь. Пора было вновь приниматься за дело.

Визит Терренса на следующий день прошел спокойно, если не считать одного эпизода. Коннелли показывал ему владения старшего брата так, словно младший несколько лет их толком не видел. Вел он себя на удивление мирно, воздерживаясь от привычных сардонических замечаний.

Они обсудили цифры по прошлогоднему урожаю, посмотрели в конторских книгах записи по весовой за прошлый сентябрь. Терренс побранил надсмотрщика за его каракули, но, если не считать этой вспышки, все прошло тихо-мирно.

Ни рабов, ни хижины осматривать не стали.

Верхом Терренс Рэндалл и Коннелли объехали хлопковые поля, сравнивая урожай на южной и северной частях плантации. При их приближении рабы удваивали рвение, и волна бешеного усердия перекачивалась от ряда к ряду.

Неделю за неделей невольники мотыжили землю, выдирая тяпками сорняки. Кусты хлопчатника уже вымахали Коре по плечо, побеги трепетали и гнулись под тяжестью листвы и коробочек, которые день ото дня становились все крупнее. Не пройдет и месяца, как каждая из них взорвется комом снежно-белой ваты. Когда белые проезжали мимо, Кора молила Бога сделать кусты повыше, чтобы ей было куда прятаться. Их удаляющиеся спины уже маячили где-то впереди, как вдруг Терренс обернулся. Он кивнул, указал на нее тростью и поехал дальше.

Джеймса Господь прибрал через два дня. Врач сказал, почки. Старожилы поместья невольно сравнивали кончину старшего сына с кончиной отца. У местных плантаторов старик Рэндалл всегда пользовался уважением. Сейчас, конечно, в центре внимания оказались лихие покорители Запада, но что до здешних мест, то их истинными пионерами были Рэндалл и иже с ним. Именно благодаря их усилиям много лет назад во влажном аду Джорджии выпестовалась новая жизнь. За то, что Рэндалл первым переключился с индиго на хлопок, плантаторы почитали его провидцем, приведшим их к прибылям. Немало изнемогавших от бремени кредитов неофитов обращались к нему за советами, которыми он щедро и охотно делился, и со временем, следуя им, достигали завидного изобилия.

Чтобы рабы могли проводить старого хозяина в последний путь, их сняли с работы. Сгрудившись в стороне, они смотрели, как благородные белые господа и дамы отдают последний долг покойному. Гроб несли на плечах домашние слуги, и сначала это всех скандализировало, но по зрелом размышлении было воспринято как проявление искренней привязанности, воз-

никающей между рабовладельцем и его рабами, взять хоть сиськи чернокожей няньки, которые каждый сосал во младенчестве, или ловкие руки слуг, снующие в мыльной пене во время купания. Под конец панихиды пошел дождь. Церемонию пришлось прервать, но каждый из присутствующих вздохнул с облегчением. Засуха стояла слишком долго. Хлопок следовало хорошенько напоить.

К моменту смерти Джорджа Рэндалла оба брата практически не поддерживали отношений ни с теми, кто приходился их отцу ровней, ни с его протеже. Судя по документам, у Джеймса было немало деловых партнеров, со многими из которых он общался лично, но друзей он не завел. К слову, старший брат Терренса Рэндалла обыкновенной человеческой сентиментальности был лишен напрочь.

На его похороны почти никто не приехал. Рабы трудились на хлопке – урожай на носу, так что какой с них спрос. Терренс говорил, что все прошло согласно последней воле брата. Джеймса погребли в тихом уголке обширного поместья рядом с родителями, а также Платоном и Демосфеном, двумя принадлежавшими старику Рэндаллу мастифами, в которых что покойный хозяин, что черномазые души не чаяли, хоть псы не прочь были поохотиться на кур.

Терренс отправился в Новый Орлеан, чтобы разобраться с делами покойного брата касательно продажи хлопка. Вряд ли хоть про одного беглеца можно сказать, что он бежал потому, что пришла пора, но установление власти Терренса на обеих частях плантации стало мощным аргументом в пользу того, что бежать и вправду пора. Обитатели северной части плантации всегда дорожили тамошним более мягким климатом. Покойный Джеймс Рэндалл отличался жестокостью и грубостью, свойственной каждому белому, но по сравнению с братцем слыл сущим образцом ровного нрава. От историй про то, что творилось на южной части плантации, даже если не вдаваться в частности, а судить по количеству, кровь стыла в жилах.

Большой Энтони решил, что, раз пришла пора, надо действовать. В деревне, конечно, были парни и посметливее, но он своего никогда не упускал. Со времен Блейка это был первый побег с плантации. На заклятье, наложенное колдуньей, Энтони бесстрашно наплевал. Констебли схватили его, спящего, в сенном сарае за двадцать с лишним миль от поместья Рэндаллов. Вернули беглого владельцу в железной клетке, сработанной кем-то из местных умельцев. Дескать, решил на свободе крылышки расправить, – не выйдет, пожалте под замок. На дверце клетки была специальная рамка для картонки с именем обитателя, но про нее никто не вспомнил. Уезжая с плантации, констебли увезли клетку с собой.

Накануне истязания Большого Энтони – всякий раз, если белый хозяин откладывал наказание, он желал превратить его в представление – Цезарь пришел в хижину Иова. Мэри, хоть и оторопела, но впустила его. Гости к ним не почти заходили, а из мужчин приходили только бедоносцы-десятники. Кора никому из товаров не рассказала о его предложении.

В хижине было полно женщин, они либо спали, либо подслушивали, так что не поговорить, поэтому Кора положила то, чем занималась, на пол и вышла с Цезарем на улицу.

Здание школы старик Рэндалл построил для своих сыновей и будущих внуков, до которых надеялся дожить, но вряд ли в обозримом будущем то, что от него осталось, могло быть использовано по назначению. С того момента, как братья Рэндаллы завершили свое образование, развалюха служила исключительно местом свиданий и занятий особого толка. Милашка увидела, как Кора и Цезарь направляются туда, но Кора, заметив оживление подруги, отрицательно помотала головой.

Внутри воняло. Гниущее здание давно стало местом постоянного обитания всякой живности. Столы и стулья из него вынесли, освободив место для засохших листьев и паутины. Интересно, водил он сюда свою Фрэнсис, когда приударял за ней, и чем они тут занимались? Перед поркой Кору раздевали донага, и Цезарь видел выступавшую у нее на коже кровь.

Проверив, нет ли кого под окнами, Цезарь сказал:

– Зря они так с тобой.

– Тебя не спросили.

Две недели назад она держала его за дурачка. Сегодня он показался ей много взрослее своих лет, словно один из умудренных деревенских старцев, истинный смысл слов которых доходит до тебя через несколько дней, а то и недель, когда ты сталкиваешься с неотвратимой правдой.

– Да лучше бы давно ушли. Ну как, пойдешь со мной?

Раскусить его она так и не смогла. Все три раза, когда ее пороли по утрам, он стоял в первых рядах зрителей. Невольники обязаны были смотреть, как истязают их собратьев, чтоб другим неповадно было, но в какой-то момент каждый укрادкой отводил глаза, хоть на мгновение, либо потому, что от чужой боли становилось тошно, либо потому, что понимал, что рано или поздно плетъ погуляет и по его спине. Вроде напрямую тебя не касается, а вдруг получается, что касается. Но Цезарь стоял, не шелохнувшись. Он не встречался с Корой глазами, а рассматривал что-то за ней, что-то очень важное и трудно различимое.

– Ты, поди, надеешься, что я принесу тебе удачу, потому что Мэйбл удалось уйти, да? Зря надеешься. Я не заговоренная. Сам видел, что ждет любого смутьяна.

Цезарь стоял на своем.

– Когда он вернется, дело будет дрянь.

– Почему ж «будет»? Дело и сейчас дрянь. И всегда было.

Она повернулась и пошла прочь. Задержка в наказании Большого Энтони объяснялась тем, что Терренс потребовал новые колодки. Плотники и столяры работали ночь напролет, чтобы к утру возвести пыточные орудия, украшенные претенциозными и грубо намалеванными изображениями минотавров, грудастых русалок и прочих мифологических существ, резвящихся на природе. Колодки установили на разбитой перед домом лужайке, поросшей сочной травой. Двое подручных Коннелли подвесили Большого Энтони за руки, и он болтался так первые сутки.

На второй день на плантацию прибыла группа гостей в экипажах. Весь высший свет Атланты и Саванны, сливки общества, люди, с которыми Терренс познакомился в своих поездках, и еще журналист из Лондона, приехавший корреспондентом в Америку. Обедали гости за накрытым на лужайке перед домом столом. Они смаковали приготовленный Элис черепаховый суп и ягненка и на все лады превозносили кухарку, до которой их похвалы все равно не дошли. В течение всего обеда Большого Энтони у них на глазах пороли кнутом. Обед длился долго, спешить было некуда. В промежутках между глотками журналист делал какие-то пометки в блокноте. Когда подали десерт, вся честная компания перешла в дом, чтобы не кормить москитов, а Большого Энтони все продолжали истязать.

На третий день сразу после обеда невольников пригнали с поля, всей кухне, посудомойкам, конюхам и домашним слугам велено было бросить дела и собраться на лужайке. Пока гости Терренса Рэндалла потягивали ромовый пунш, Большого Энтони облили маслом и стали жарить заживо. Его вопли присутствующим настроения не отравляли, потому что в первый же день ему отрезали мужское достоинство, запихнули его в рот, а губы зашили. Колодки дымились, обугливались, потом загорелись, и намалеванные фигуры, извивающиеся в языках пламени, казались живыми.

Терренс обратился с речью к рабам с северной и южной частей плантации. Плантация теперь единая, методы и цели на ней тоже единые. Он выразил свою печаль в связи с кончиной брата и сказал, что находит утешение в том, что Джеймс теперь в раю, вместе с отцом и матерью. Говоря все это, он прохаживался между рабами, постукивая тростью, ероша волосы негритятам, тиская своих зазноб с южной половины. У какого-то еще не знакомого ему молодого парня он решил сразу проверить зубы; желая получше их рассмотреть и кивая в знак одобрения головой, едва не свернул бедняге челюсть.

Чтобы удовлетворить все возрастающий мировой спрос на хлопок, продолжал он, дневная норма у каждого сборщика будет увеличена в процентном отношении в соответствии с его показателями в прошлом году. Поля подвергнутся перепланировке, чтобы вместить максимальное количество рядов хлопчатника. Прохаживаясь, он наотмашь хлестнул по лицу человека, который плакал, глядя на бьющегося в колодках товарища.

Подойдя к Коре, Терренс запустил руку в вырез ее платья и нащупал грудь – одну, другую, – потом стиснул ее. Кора не шелохнулась. С того момента, как Терренс начал свою речь, не шелохнулся ни один невольник, даже для того, чтобы зажать себе нос, в который бил запах паленого человеческого мяса.

Больше никаких гуляний, ни на Рождество, ни на Пасху, заявил он.

Все замужества-женитьбы теперь будут только с его ведома и одобрения, он будет лично оценивать правильность выбора и перспективность потомства. Новый налог на отхожий промысел по воскресеньям. Кивнув Коре, он продолжал обходить своих чернокожих, излагая грядущие реформы.

Речь Терренса подошла к концу. Было понятно, что невольники будут стоять как стояли, пока Коннелли не прикажет им разойтись. Леди из Саванны наполнили свои бокалы новой порцией пунша из кувшина. Журналист достал новый блокнот и продолжал строчить. Масса Терренс присоединился к гостям и пригласил всех посмотреть, как растет хлопок.

Она раньше была не его, а теперь вдруг стала его. А может, всегда была его и просто про это не знала. Корино внимание сейчас существовало само по себе, отдельно от нее. Оно уплывало, минуя горящего раба, минуя хозяйский дом, за границы рэндалловских владений. Кора пыталась сосредоточиться на подробностях чужих рассказов, просеивая в памяти слова невольников, которые своими глазами видели, что там, снаружи. Всякий раз, когда ей удавалось уцепиться за какие-то детали – здания из гладкого белого камня, их много, целое море, так что не видно ни дерева; мастерская негра-кузнеца, который работает не на хозяина, а сам на себя, – внимание изворачивалось, словно юркая рыба, и опять ускользало куда-то. Чтобы удержать это в голове, нужно увидеть все своими глазами.

С кем же поговорить? Милашка и Нэг ее не выдадут, но месть Терренса будет ужасна. Пусть лучше они будут искренни в своем неведении. Нет, свой план она могла обсуждать только с тем, кто его задумал.

Она подошла к Цезарю после речи Терренса, вечером, и он вел себя так, словно они давно обо всем договорились. За свою жизнь она не встречала ни одного цветного, похожего на Цезаря. Он родился в Виргинии, на маленькой ферме, принадлежавшей крохотной старушке. Миссис Гарнер была вдовой, обожала возиться с тестом, целыми днями обихаживала свои цветы и более ничем не интересовалась. Остальные посадки и выезд были заботой Цезаря и его отца, домашние дела лежали на его матери. Скромный урожай, который давал огород, они сбывали в городе. Цезарь с родителями жили в собственном домике в две комнаты, стоявшем на задах фермы. Флигель был белоснежный, с бирюзовой каймой вокруг окон – прихоть матери, которая когда-то видела такой у одного белого.

Миссис Гарнер мечтала провести остаток дней в уюте и покое. Активной поборницей рабства она не была, видела в нем лишь неизбежное зло, явившееся следствием умственной неполноценности африканского населения. Разрешить ему сразу сбросить ярмо было бы недальновидно и пагубно – разве негры сумеют выжить без постоянного заботливого призора и руководства? Миссис Гарнер помогала им, как могла – обучила своих рабов грамоте, чтобы их глаза открылись навстречу слову Божию. Она разрешала Цезарю и его родителям беспрепятственно разъезжать по всей округе, хотя соседи были от этого не в восторге. Так она по своему шаг за шагом готовила их к будущей свободной жизни, потому что рассчитывала дать им вольную по завещанию.

Когда миссис Гарнер скончалась, скорбящие Цезарь и его семья продолжали ухаживать за фермой, ожидая своего официального освобождения. Старушка не успела составить завещание. Все отошло ее единственной племяннице, но та из Бостона приезжать не пожелала, а просто договорилась с местным адвокатом о продаже имущества покойной тетушки. Для семьи Цезаря наступил страшный день, когда поверенный явился в сопровождении двух констеблей и заявил, что они подлежат продаже и, что самое страшное, – продаже на Юг, со всеми жестокостями и мерзостями тамошней жизни, о которой ходило столько слухов. Они пополнили собой строй скованных цепью невольников, и их погнали: мать в одну сторону, отца в другую, Цезаря, который отныне был предоставлен сам себе, – в третью. Прощание – бурное, но недолгое – прекратил ударом хлыста работорговец, которому до такой степени обрыдло смотреть на всю эту канитель, что всыпал он обезумевшей от горя семье вполсилы, больше для остротки. Но Цезарь эту вялую взбучку воспринял как залог того, что с будущими ударами судьбы он также сможет справиться. С аукциона в Саванне он попал на плантацию Рэндаллов, где ему открылась вся страшная правда.

– Ты что, грамоту знаешь? – спросила Кора.

– Знаю.

Подтвердить свои слова ему, разумеется, было нечем, но в случае побега их жизни зависели от этого исключительного умения.

Они встречались где придется: то возле школы, то у коровника, после того как работа там заканчивалась. Теперь, когда Кора решила связать свою судьбу с Цезарем и с его планом, ее распирало от предложений. Она считала, что надо дожидаться полнолуния. Он возражал, потому что после побега Большого Энтони бдительность надсмотрщиков и десятников возросла и апогея своего достигала на полную луну, этот белый маяк, который всегда воспламеняет в рабе желание бежать. Так что нет. Уходить надо как можно быстрее. Следующей же ночью. Сойдет и молодая луна. Люди с подземной железной дороги уже ждут.

Он, видно, знал, что говорил, – подземная железная дорога! Неужто ее дотянули до этих мест, до самого сердца Джорджии? Желание бежать захлестывало Кору. Но, кроме того, что надо было собрать пожитки, нужно было как-то предупредить людей с железной дороги. До воскресенья у Цезаря не было возможности под каким-нибудь предлогом выскользнуть с плантации, и он сказал, что после их побега все равно поднимется такой переполох, так что никого специально предупреждать не надо.

Мысли о побеге заронила в душу Цезаря старая миссис Гарнер, и один брошенный ею совет привел к тому, что про парня узнали на подземной железной дороге. Как-то в субботу Цезарь и его хозяйка сидели на парадном крыльце, наблюдая обычную картину выходного дня, разворачивавшуюся у них на глазах: гроыхающие подводы торговцев, вереницу тянувшихся на рынок семей; изнуренных рабов в шейных колодках, еле волочащих ноги. Пока Цезарь массирует хозяйке пятки, старая миссис Гарнер сказала, что ему следует выучиться ремеслу, которое поможет ему после освобождения добиться лучшей доли. Цезарь пошел в подмастерья к соседу-токарю, чуждому предрассудков унитария, и вскоре стал продавать на городской площади свои затейливо выточенные из дерева плошки. По словам миссис Гарнер, у него были золотые руки.

На плантации Рэндаллов он не бросил свое занятие и по воскресеньям вливался в ряды продавцов мха, грошовых швеек и поденщиков, отпущенных в город в услужение. Торговля приносила не приносила, но еженедельная отлучка с плантации служила ему слабым, но горьким напоминанием о прошлой жизни на Севере. На закате он скрепя сердце отрывал себя от ярмарочного действа, где в завораживающем танце сливались воедино торговля и желание.

В одно из воскресений к нему подошел согбенный седовласый белый и пригласил его в свою лавку. Что если Цезарь будет оставлять ему поделки на продажу? Глядишь, оба окажутся с прибылью. Цезарь и раньше замечал этого старичка, бродившего между цветными торговцами.

Перед его плошками он замедлял шаг и посматривал на мастера с любопытством. Цезаря все это мало занимало, но сейчас предложение старика показалось ему подозрительным. После продажи на Юг его отношение к белым коренным образом изменилось. Он им не доверял.

Старик торговал бакалеей, мануфактурой и сельскохозяйственным инвентарем. Покупателей в лавке не было. Понизив голос, он спросил Цезаря:

– Ты, кажется, парень грамотный?

– Масса, – протянул Цезарь на манер негров из Джорджии.

– Я видел, как на площади ты читал вывески. И газету. Впредь надо быть осторожнее, потому что такие вещи подмечаю не только я.

Мистер Флетчер был из Пенсильвании. В Джорджию он перебрался, как позднее узнал Цезарь, потому что его жена больше нигде не соглашалась жить. У нее был пунктик по поводу местного воздуха и его целительного воздействия на кровообращение. По части воздуха она оказалась права, Флетчер даже не спорил, но что касается всего остального, жизнь тут была мукой. Ему и до приезда сюда была отвратительна богомерзкая сущность рабства, однако к активным аболиционистам он себя не относил. Теперь, столкнувшись с этой чудовищной системой вплотную, Флетчер страшился собственных мыслей, от которых ему хотелось бежать на край света, а то и чего похуже.

К Цезарю он проникся доверием, хотя понимал, что рискует, если раб донесет на него вознаграждения ради. Цезарь тоже доверился ему. На Севере он прежде встречал белых такой породы: искренних, верящих в то, что они говорят. Правду ли они говорили, это уже другой вопрос, но верили в это искренне. Тут, на Юге, белые были исчадьями ада, способными решительно на любое злодеяние.

В конце их первой встречи Флетчер оставил у себя три выточенные Цезарем плошки и велел ему зайти через неделю. Покупателя на плошки он так и не нашел, но у них двоих появилось общее дело, которое они обсуждали в своих беседах. Цезарю казалось, что к мысли, как к деревянному чурбаку, требуется приложить сноровку и мастерство, чтобы она оформилась.

Воскресенье превратилось в лучший день недели. По воскресеньям миссис Флетчер навещала своих родственников. Старик Флетчер никогда не питал к ним теплых чувств, а они, учитывая его особый нрав, платили ему тем же. Считалось, что подземная железная дорога, по слухам, так далеко на Юг не заходит. Цезарь и сам был в этом уверен. Вот из Виргинии можно было бы тайком перебраться в соседний штат Делавэр или уйти на барже в устье Чесапикского залива, оставив в дураках следующих по пятам патрульщиков и охотчих до наградных денег добровольцев, все благодаря собственным мозгам и незримой руке провидения. Или на помощь пришла бы та же подземная железная дорога с ее тайными магистральными линиями и неведомыми маршрутами.

В этой части Америки любая литература, осуждающая рабство, была вне закона. Прибывшие в Джорджию или во Флориду аболиционисты и сочувствующие подвергались нападкам и надругательствам, местные жители избивали их, с позором вываливали в дегте и перьях. Методистам с их христианской дребеденью в святая святых Его Величества Хлопка не место. Плантаторы этой заразы не потеряют.

Тем не менее одну станцию в Джорджии открыли. Если Цезарь сумеет преодолеть без малого тридцать миль до дома Флетчера, старик переправит его на подземную железную дорогу.

– Сколько рабов он уже спас? – спросила Кора.

– Мы первые, – отозвался Цезарь недрогнувшим голосом, пытаясь вселить мужество и в Кору, и в себя.

Он рассказал ей, что Флетчер однажды пробовал помочь одному негру, но тот так и не пришел в условленное место, а неделю спустя газеты трубили о поимке беглеца и детально описывали его наказание.

– А ты уверен, может, он нас дурит?

– Уверен, – отрезал Цезарь.

Он давно обдумал ответ на этот вопрос. Далеко ходить было не надо. Одних разговоров с Флетчером в его лавке было достаточно, чтобы вздернуть старика. Цезарь и Кора слушали жужжание насекомых, неподъемность задуманного захлестывала их.

– Поможет, – промолвила Кора, – куда денется.

Цезарь взял ее руки в свои, но потом смутился своего жеста и отпустил их.

– Завтра ночью, – сказал он.

Свою последнюю ночь в хижине Иова Кора провела без сна, хотя понимала, что скоро понадобятся силы. Ее товарки спали. Она прислушивалась к их дыханию: вот Нэг, вот немытая-нечесаная Рида с ее миазмами. Завтра в это же время она свободно пойдет через ночную темень. Неужто ее мать, когда решилась бежать, чувствовала то же самое? Ее образ почти изгладился из памяти. Кора отчетливо помнила только ее печаль. Еще до того, как парий на плантации стали отселять в хижину Иова, Мэйбл была одной из них, чуравшаяся людей, согбенная под тяжестью ноши, обреченная на одиночество. Кора не могла сложить в голове цельный образ матери. Что она была за человек? Где она сейчас? Почему бросила ее? Почему не поцеловала на прощанье, будто бы говоря: «Потом, вспоминая этот миг, ты поймешь, что на самом деле я прощалась с тобой, хоть ты об этом не подозревала».

Весь последний день в поле Кора остервенело вгрызалась тяпкой в землю, словно хотела прорыть тоннель, через который лежал путь к спасению.

Прощание было, хотя и без прощальных слов. Накануне вечером, после ужина они поговорили с Милашкой, как не разговаривали со дня рождения Пройдохи. Кора старалась невзначай сказать подруге что-то приятное. *Конечно, ты все для нее сделала, у тебя золотое сердце; конечно, ты нравишься Мейжору, я знаю, какая ты на самом деле, и он знает.* Это был ее подарок Милашке на добрую память.

Свой последний ужин она разделила с соседками по хижине. Как правило, они не собирались вместе, но Кора на этот раз сделала так, что, бросив свои дела, они сели за общую трапезу. Что с ними будет? Они были париями, но место их изгнания после того, как они там оказались, обеспечивало им некое подобие безопасности. Подобно тому, как раб глупо хихикает или притворяется впадшим в детство дурачком, чтобы избежать порки, подчеркнутая ненормальность этих женщин уберегала их от других тенет плантации. Ночной порой стены хижины Иова превращались в крепость, и междоусобицы со сварами и интригами обходили их стороной. Белые сожрут тебя и костей не выплунут, но цветные также сожрут, за милую душу.

Кора сложила у порога свои пожитки: гребешок, квадратную пластинку из отполированного серебра, прикарманенную Аджарри в незапамятные времена, пригоршню лазоревых камешков, которые Нэг называла «драгоценностями». Ее прощальные дары.

Она взяла тесак. Взяла кресало и трут. И совсем как мать когда-то, выкопала с грядки весь ямс. Следующей же ночью кто-нибудь наверняка приберет к рукам землю и все тут перероет. Выстроит загон для кур. Собачью будку. Или же сохранит огородик. Он станет якорем, который не позволит хозяйке сгинуть в злой пучине плантации. Пока она не сгинет по собственной воле.

После того как деревня уgomонилась, они встретились у хлопкового поля. Цезарь недоуменно покосился на ее выпирающий буграми мешок с ямсом, но ничего не сказал. Они пробрались через высокие заросли и от внутренней скованности только на полдороге опомнились и побежали. Скорость обоим кружила головы. Точнее, ее немыслимость. Страх окликал их поминутно даже в полной тишине. У них было шесть часов до того, как их хватятся, и еще пара часов до того, как патрульщики их нагонят. Но погоня сама по себе предполагала страх, как предполагала его вся их прошлая жизнь на плантации, и страх добавлял им скорости. Они пересекли луг, где почва была слишком жиденькой для вспашки, и вышли к болоту. Прошли годы с той поры, как негритята и Кора с ними бродили по грязной жиже, пугая друг друга

рассказами про медведей, притаившихся аллигаторов и стремительно плавающих ядовитых щитомордников. Мужчины на болотах промышляли выдру и бобра; сборщики мха, обдиравшие стволы деревьев, заходили вглубь трясины, но не слишком далеко, словно невидимая цепь, приковывавшая к плантации, натягивалась и волокла их назад. Цезарь несколько месяцев подряд увязывался за трапперами, проверявшими силки и верши, так что выучился, как ступать по торфянику и илу, как пробовать слегой камышовые заросли, как определять островки твердой почвы. Сейчас он длинной жердью прощупывал расстилавшуюся перед ними темень, предполагая двигаться на запад, где, как показали ему трапперы, в трясине лежала череда островков, а потом отклониться на северо-восток и идти, пока болота не кончатся. Эта тропа, если с нее не сбиться, была самым коротким путем на Север. Они прошли совсем немного и встали, потому что в темноте их окликал чей-то голос. Кора недоуменно посмотрела на Цезаря. Он вслушивался, предостерегающе вытянув руки. Злобы в голосе не было. И принадлежал он не мужчине.

Опознав возмутительницу спокойствия, Цезарь шикнул:

– Тш-ш-ш, Милашка!

Едва Милашка засекла их, у нее хватило ума перестать аукать.

– Я сразу поняла, что ты задумала, – прошипела она, поравнявшись с Корой. – Сама крутишься вокруг него, а мне ни слова. И весь ямс выкопала, хотя ему еще зреть и зреть.

Через плечо у нее был перекинут мешок, сделанный из какой-то старой тряпки.

– Иди назад. Ты нас угробишь, – сказал Цезарь.

– Ну уж нет, – помотала головой Милашка, – я с вами.

Кора насупилась. Если сейчас отослать Милашку на плантацию, она как пить дать попадется на пороге хижины. Держать язык за зубами она не умеет, про их побег все мигом станет известно, так что плакал их выигрыш во времени. Она не знала, как это выразить, но брать себе на душу Милашкину гибель ей не хотелось.

– Троих он не поведет, – сказал Цезарь.

– А про меня он знает? – спросила Кора.

Цезарь отрицательно помотал головой.

– Раз мы без предупреждения, то где двое, там и трое. Еды, по крайней мере, хватит, – сказала она, взваливая мешок на плечо.

У Цезаря была целая ночь, чтобы привыкнуть к новому положению вещей. Мало-помалу Милашка перестала взвизгивать на всякий шорох ночных тварей, или когда, оступившись, она потеряла равновесие и провалилась в болотную жижу по пояс. Коре ее чистоплюйство было не в диковинку, но о тех чертах характера своей подруги, которые заставила ее подхватиться и бежать с ними, она раньше не подозревала. Хотя любой раб об этом думает. Всегда: утром, днем и ночью. Спит и видит. О чем бы он ни мечтал, это всегда мечта о побеге, даже если он мечтает о чем-то ином. Даже если это всего лишь мечта о новых башмаках. Стоило подвернуться возможности, и Милашка за нее уцепилась, наплевав на порку.

Чавкая по черной болотной грязи, беглецы держали путь на запад. Кора только диву давалась, как Цезарь их ведет. Сама бы она с этим нипочем не справилась. Но у него, видать, в голове была карта, и звездное небо он читал словно книгу.

Благодаря Милашкиным стонам и проклятиям, когда ей становилось невтерпех идти дальше и требовался отдых, Коре лишний раз о привале просить не приходилось. Осмотр содержимого мешка показал, что с собой Милашка захватила всякую ерунду вроде деревянной уточки или пузырька синего стекла, – никакой пользы. Что до пользы от Цезаря, то по части нахождения островков в трясине он оказался отменным штурманом. Сбились они с пути или нет, Кора не знала. Они шли на северо-восток, и к рассвету болота остались позади.

– Нас уже хватились, – сказала Милашка, когда на западе забрезжило рыжее солнце.

Троица, устроившаяся на очередной привал, жевала порезанный на кусочки клубень ямса. Их донимали москиты и мошкара. При дневном свете они были похожи на чертей, с ног

до головы перемазанные грязью, облепленные цепкими семенными коробочками и усиками растений. Коре все это было неважно. Она в жизни не заходила так далеко от дома. Даже поволоки ее кто-нибудь назад в кандалах, она бы не пожалела о проделанном пути.

Цезарь выбросил вперед слегу, и они снова пустились в путь. Во время следующей остановки он сказал, что на поиски торной дороги отправится один и пообещал скоро вернуться. Кроме того, ему надо было прикинуть, сколько они уже прошли. У Милашки достало ума не спрашивать, что им делать, если Цезарь не придет назад. Мешок и бурдюк с водой он оставил под кипарисом как залог своего возвращения. Или их спасения, если все-таки они останутся одни.

– А я знала про вас.

Милашке, несмотря на усталость, хотелось посплетничать.

Девушки сидели, благодарно привалившись к стволам деревьев, под которыми был пятнышко сухой твердой земли.

Кора рассказывала подруге о случившихся после дня рождения Пройдохи событиях, которые прошли мимо нее.

– Я все про вас знала, – с нажимом повторила Милашка.

– Он надеется, что, раз моей матери единственной удалось уйти, я принесу ему удачу.

– Вроде заячьей лапки, – хмыкнула Милашка.

– А твоя-то мать как же? – спросила Кора.

Милашка попала на плантацию в пятилетнем возрасте. Только тут она узнала, что такое одежда, потому что предыдущий хозяин, продавший ее Рэндаллам в придачу к матери, полагал, что негритятам должно разгуливать нагишом. Мать Милашки, Джиа, родилась в Африке и с удовольствием рассказывала дочери и ее подружкам про свое детство в деревне у реки и про обитавших в джунглях зверей. Работа на сборе хлопка превратила ее в согнутую пополам калеку, распухшие одревеневшие суставы не давали шагу ступить без боли. Но терзания не мешали ей нежно любить свою девочку, хотя, стоило Милашке отвернуться, ласковую беззубую улыбку с лица матери словно сдувало ветром.

– А что мать? – переспросила Милашка. – Скажет, что я молодец!

Она легла на землю и повернулась к Коре спиной.

Цезарь вернулся быстрее, чем они ожидали. По его словам, прошли они изрядно, но оказались слишком близко к дороге. Теперь надо было подналечь, чтобы уйти как можно дальше, пока их преследователи разбираются, что к чему. Стоит им пуститься в погоню верхом, они их нагонят в два счета.

– Мы спать-то собираемся? – спросила Кора.

– Сперва уходим от дороги, а там посмотрим.

Цезарь, судя по всему, тоже еле стоял на ногах.

Через некоторое время они сбросили мешки на землю. Привал. Когда Цезарь растолкал Кору, солнце клонилось к закату. Она спала как убитая, несмотря на впивавшиеся в тело корни старого дуба. Милашка уже проснулась. Почти в полной темноте они подошли к вырубке, где находилась маленькая ферма с кукурузным полем за домом. Хозяева все никак не могли утомиться и бегали по участку туда-сюда, доделывая какие-то дневные дела. Беглецы прятались в чаще и ждали, пока в окнах не погаснут огни. Самая короткая дорога до фермы Флетчера лежала напрямик через вырубку, но это было слишком опасно. Лучше было сделать крюк через лес.

Подвели их кабаны. Они шли вдоль борозды, пропаханной ведром, и тут из зарослей выскочили люди. Четверо белых, поджидавших в засаде добычу, которая должна была повестись на разложенную приманку. Из-за жары на охоту выходили по ночам. А попались не кабаны, а беглые невольники, зверье другого сорта, хотя куда более ценное.

В том, что троица – беглые, у охотников сомнений не возникло, видать, известили. Двое из них миглом скрутили и повалили на землю Милашку, которая была мельче остальных. После длительного вынужденного молчания – у невольников, чтобы отвести глаза преследователям, у охотников, чтобы отвести глаза добыче – теперь и те, и другие орали что было мочи, сопровождая каждое телесное усилие воплями. Цезарь сцепился с темноволосым длиннобородым крепышом. Он был моложе и сильнее противника, но тот словно врос ногами в землю, ухватив Цезаря за пояс. Цезарь бился так, будто положил в своей жизни не одного белого, хотя, окажись это правдой, он бы сам уже давно лежал в могиле. Могила ждала беглецов, если охотники возьмут над ними верх и возвратят хозяину. Такова будет конечная точка их пути. Могила.

Милашка взвыла, когда двое мужиков поволокли ее в темноту. Корин противник оказался молодым и щуплым, возможно, это был сын одного из охотников. Нападавший застал ее врасплох, но как только она почувствовала на себе его руки, кровь ударила ей в голову. Ей почудилось, что она снова на задах коптильни, где над ней только что надругались Эдвард и Пот с друзьями, и она решила драться. Руки и ноги налились силой, и Кора била, лупила, разила, теперь воздавая за то, что спустила обидчикам в прошлом. Она пожалела, что при ней нет тесака, он бы ей пригодился. Эдвард валялся в грязи, и этот мальчишка отправится туда же, туда ему и дорога. А потом пусть забирают, пусть делают, что хотят.

Парень толкнул Кору на землю. Она упала и треснулась головой о пень. Мозглек навалился на нее всем телом. Кровь шумела у нее в ушах. Она вырвалась, схватила валявшийся рядом камень и обрушила его парню на голову. Он извивался, и она ударила еще раз. Больше он не издал ни звука.

Время исчезло. Стало вымыслом. Цезарь звал ее по имени и пытался поставить на ноги. Бородач растворился в темноте.

– Бежим!

Она пыталась звать Милашку.

Ни ее, ни охотников видно не было. Куда они подевались? Кора замешкалась, и Цезарь грубо пихнул ее вперед. Она покорилась.

Они перестали бежать, когда осознали, что не имеют ни малейшего представления о том, куда бегут. Кора словно ослепла от темноты и слез. Цезарю удалось сберечь бурдюк с водой, но остальные припасы сгнули. И Милашка сгнула. Он сориентировался по звездам, и беглецы продолжали свой путь, продираясь сквозь глухую ночь. За несколько часов они не проронили ни слова. Первоначальный план их побега, словно ствол, обрастал ответвлениями возможных решений и выборов. Все бы пошло иначе, отправь они Милашку назад, на плантацию, еще на болотах. Или зайди они в чащу поглубже, когда обходили вырубку. Или иди Кора замыкающей, чтобы эти двое бросились на нее. Или вообще, останься они там, где были.

Цезарь высмотрел надежное местечко, и они залезли спать на деревья, словно еноты.

Когда Кора зашевелилась, Цезарь ходил между двух сосен, разговаривая сам с собой. Она сползла со своего насеста, не чувствуя ни рук, не ног, которые онемели, цепляясь за шершавые сучья.

Лицо у Цезаря было серьезным. О ночной стычке наверняка стало известно, так что патрульки поняли, в каком направлении движутся беглецы.

– Ты говорила ей про железную дорогу?

– Вроде нет.

– Я тоже вроде нет. А надо не вроде, а точно.

К полудню они дошли до речушки, которую перешли вброд. Цезарь сказал, что уже близко. Через час он опять пошел на разведку, а когда вернулся, они пошли через редколесье, не заходя в чащу, чтобы видеть сквозь деревья очертания построек.

– Пришли, – сказал Цезарь.

Перед ними стоял аккуратный одноэтажный домик, выходивший окнами на выгон. Земля была расчищена, но не пахана. На крыше торчал красный флюгер, служивший опознавательным знаком. Окно над задней дверью было, как условлено, задернуто желтой шторой, то есть путь открыт: дома только Флетчер, жены нет.

– А если Милашка уже все рассказала?

Ни других домов, ни других людей в поле зрения не было. Цезарь и Кора вихрем пронеслись через высокую траву, впервые после хождений по болотам выйдя из-под покрова леса. Без этого покрова Коре было жутко. Ей казалось, будто ее сунули в один из больших черных казанов на кухне стряпухи Элис и огонь лижет его чугунное дно.

Добежав до заднего крыльца, они постучали и стали ждать, чтобы Флетчер открыл им дверь. Воображение Кору рисовало ей таящиеся в чаще поисковые отряды, они уже приготовились к броску на открытую местность. Или притаились внутри дома. Но вот наконец и Флетчер, который ведет их на кухню.

Кухня оказалась маленькой, но уютной. Развешанные на крючках любимые хозяйкины кастрюли демонстрировали закопченные доньшки. Пестрые цветы с выгона весело смеялись в вазе тонкого стекла. Старый блаухунд с красными слезящимися глазами даже не пошевелился в своем углу, демонстрируя полное безразличие к гостям. Кора и Цезарь жадно припали к кувшину, который дал им хозяин. Вид непрощеной попутчицы Цезаря его не радовал, но ведь весь план побега с самого начала пошел наперекосяк.

Пока они утоляли жажду, Флетчер рассказал им о том, что произошло во время их отсутствия. Во-первых, мать Милашки, Джиа, сразу же хватилась дочери и пошла искать ее по деревне. Шума она старалась не поднимать. Милашке нравились парни с плантации, а парням с плантации нравилась Милашка. Но тут старуха попала на глаза одному из десятников, и он мигом вытянул из нее правду.

Цезарь и Кора переглянулись. Оказывается, никакого шестичасового задела по времени у них не было. С самого начала на хвосте висели патрульщики.

Не успело взойти солнце, рассказывал Флетчер, как их уже искали всем округом. В поисках не принимал участие только ленивый. Терренс обещал за их поимку баснословную сумму. Объявления были расклеены на каждом столбе. К охоте присоединилось все окружное отребье. Местная пьянь, дрянь и рвань, не заработавшая себе даже на пару подметок, тряслась в предвкушении расправы с цветными. Шайки этих белых прочесывали невольничьи деревни, обшаривали дома свободных негров.

Провидение оказалось к беглецам милостиво. Охотники были уверены, что они прячутся на болотах, ведь две девки – такой камень на шее, что далеко не уйдешь. Невольники из этих мест всегда бежали через трясину, а куда им еще было податься? Тут, в самом сердце Юга, не найти было ни добрых белых аболиционистов, ни подземной железной дороги, готовой домчать своенравного ниггера, куда он пожелает. Так изначальный просчет преследователей позволил троице беспрепятственно уйти далеко на северо-восток.

Пока они не наравались на кабанью охоту. Милашку доставили на плантацию. За это время патрульщики уже дважды наведывались к Флетчеру, пытаясь что-нибудь вынюхать. Они же приносили на хвосте вести, из которых самой ужасной была новость о том, что младший из охотников, двенадцатилетний паренек, так и не пришел в себя после полученных увечий. Так что теперь в глазах жителей округа Цезарь и Кора были убийцами. Белые алкали крови.

Цезарь спрятал лицо в ладони, и Флетчер ободряюще положил ему руку на плечо. Корино равнодушие к полученным известиям не осталось незамеченным. Оба мужчины ждали от нее реакции. Она отломала себе кусок хлеба и сунула в рот. Пусть Цезарь терзается за двоих.

Их рассказ о побеге и о том, как на самом деле происходила схватка в лесу, в значительной степени облегчил Флетчеру душу. Присутствие их троих на этой кухне означало, что

Милашка ничего про железную дорогу не знала и что ни Цезарь, ни Кора ни разу не обмолвились при ней о Флетчере. Значит, надо было двигаться дальше.

Пока они жадно запихивали в рот ломти ржаного хлеба с окороком, предстояло взвесить преимущества передвижения при свете дня и под покровом ночи. Говорили только мужчины. Кора почла за лучшее не вмешиваться. В большой мир она вышла впервые и многого в нем не знала, хотя, спроси ее кто, она бы ответила, что уносить ноги надо немедленно. Каждая миля между нею и плантацией была ее победой. И ей хотелось еще.

Мужчины постановили, что разумнее всего будет перевезти двух беглых невольников в повозке Флетчера, прикрыв их джутовой циновкой, причем делать это надо немедленно и не таясь, чтобы не нужно было прятаться в подвале и дергаться, дома ли миссис Флетчер.

– Ну, раз вы так считаете, – протянула Кора.

Бладхаунд перднул на всю кухню.

Цезарь и Кора лежали, забившись между ящиками Флетчера. С дороги не доносилось посторонних звуков. Солнечный свет путался в кронах деревьев на обочине и проникал сквозь волокна циновки вместе с голосом Флетчера, который что-то втолковывал своим лошадям. Кора смежила было веки, но перед глазами возник образ лежавшего на кровати мальчика с перевязанной головой, склонившегося над ним бородатого отца, и сна как не бывало. Он оказался младше, чем она думала. Но он сам нарвался. Нечего было руки распускать. Раз мальчик, надо по ночам дома сидеть, а не на кабана ходить. Пришел он в себя или нет, ей без разницы. Их все равно убьют, даже если бы он не помер.

Ее разбудил городской шум. Ей оставалось только рисовать в воображении, как все это выглядит на самом деле: занятые своими делами люди, бойко торгующие лавки, объезжающие друг друга экипажи и повозки. И голоса. Совсем рядом стрекотала оголтелая бестелесная толпа. Цезарь стиснул ей руку. Ящики, между которыми они прятались, не позволяли Коре увидеть его лицо, но она знала, что на нем написано. Вдруг Флетчер остановил лошадей. Кора ждала, что циновку вот-вот сдернут, в голове ее вихрем проносились последующие злоключения. Беспощадный солнечный свет. Флетчера бьют плетью, потом бросают в тюрьму или даже линчуют за укрывательство не просто беглых негров, а убийц. Кору и Цезаря незамедлительно избивает ретивая толпа, но это только приготовление перед отправкой их на плантацию, где Терренс изобретет для них пытки, перед которыми даже муки Большого Энтони померкнут. которым в этот момент подвергается Милашка, если только приговор не отсрочили, чтобы, когда поймают Кору с Цезарем, терзать всю троицу разом. У Кору перехватило дыхание.

Флетчер остановился, потому что его окликнул знакомый. Он привалился плечом к повозке, которая накренилась на один бок, и раздался шум. Виновата была Кора, но человек ничего не заметил. Он поздоровался и сообщил Флетчеру свежие новости об облаве: говорят, патрульщикам удалось схватить убийц! Флетчер с облегчением перекрестился. В разговор вмешался еще один голос с яростным опровержением слухов: беглецы до сих пор на свободе. Сегодня утром они пытались ограбить фермера, украли несколько куриц, но собаки взяли их след. Флетчер снова вознес хвалу Господу за то, что не оставляет белого человека заботами своими.

О раненом мальчике никто ничего не знал. Флетчер посетовал.

Потом телега опять выехала на тихую сельскую дорогу.

– Да уж, задали мы им жару, – сказал Флетчер, обращаясь не то к лошадям, не то к пассажирам.

Кора снова задремала. Только во сне она могла перестать думать о Милашке. Когда она снова открыла глаза, было темно. Раздалось какое-то гроыхание, потом лягз и звук отодвигаемой задвижки. Цезарь ободряюще потрепал Кору по руке. Флетчер поднял циновку, и беглецы на затекших негнущихся ногах вошли в какой-то сарай.

Первое, что бросилось ей в глаза, это оковы. На вбитых в стену гвоздях висела чудовищная коллекция ножных и ручных кандалов – для запястий, лодыжек, шеи всех возможных форм и сочетаний. Был ряд детских кандалов с крохотными наручниками и соединительными цепями, почти цепочками. В ряду по соседству висели наручники такой толщины, что их было ничем не перекусить, и наоборот, такие тонюсенькие, что их можно было переломить пальцем, но сделавший это немедленно подлежал бы наказанию. Отдельный ряд представляли изукрашенные металлические намордники, а в углу лежали цепи с ядрами. Ядра были сложены пирамидой, а цепи змеились по полу вокруг. Среди этих железок были ржавые, сломанные, но были и новенькие, словно их выковали нынче утром. Бродившая вдоль стены Кора дотронулась до металлического обруча с шипами по внутренней стороне. По всей видимости, он предназначался для шеи.

– Жуткое зрелище, – сказал мужской голос. – А я вот собираю...

Никто не слышал, как он вошел. А может, он был в сарае с самого начала? Серые штаны и рубаха из реденькой ткани, почти марли, почти не скрывали его худобы. Кора подумала, что даже у самых заморенных невольников на костях мяса побольше, чем у этого белого.

– Понавез. Из дальних странствий, – продолжал он.

В его речи звенела странная распевность, которая вдруг напомнила Коре о невольниках, потерявших на плантации рассудок. Они говорили так же.

Флетчер сказал, что белого зовут Ламбли, и он легонько пожал им руки.

– Вы проводник? – спросил его Цезарь.

– Смотритель станционный, – ответил Ламбли. – С паром у меня не заладилось.

Вне железной дороги он вел тихую размеренную жизнь у себя на ферме. Эта земля принадлежала ему. Беглых сюда привозили либо с завязанными глазами, либо под циновками, как Кору с Цезарем, потому что, как он сам объяснил, им лучше не знать ничего о том, где находится станция.

– Пассажиров вроде должно было быть трое. Зато места вам хватит, сможете лечь.

Они даже не успели осознать его слова, как Флетчер засобиравшись домой, потому что его зажала жена.

– Ну, друзья, я свое дело сделал, – сказал он, прижимая беглецов к груди с какой-то отчаянной пылкостью.

Кора невольно отшатнулась. За эти два дня она успела побывать в руках у двоих белых. Без этого, выходит, свободной не станешь?

Повозка Флетчера удалялась. Цезарь молча смотрел вслед. Вот старик что-то сказал лошадям, а потом его голос затих.

Цезарь стоял нахмурившись. Ради них Флетчер подверг себя безумному риску, даже когда все оказалось куда сложнее, чем он рассчитывал. Они перед ним в неоплатном долгу. И отплатить ему можно было только одной монетой: выжить самим и помочь еще кому-то при первой возможности. Так выходило по Кориному счету. Цезарь был обязан старику куда больше, ведь он столько месяцев ходил к нему в мастерскую.

Ламбли захлопнул дверь сарая, и развешанные по стенам цепи закачались и зазвенели. Ему было не до сантиментов. Он засветил фонарь, вручил его Цезарю и принялся сгребать ногой сено на полу, пока не обнажилась дверца подпола, которую он распахнул. Пахнуло чем-то кислым.

Заметив, как они трепещут, он сказал:

– Ну, раз так, я первый.

Внизу был не подвал, не погреб, а облицованная камнем шахта, с уходившей вглубь лестницей. Кора оценила, сколько труда понадобилось, чтобы все это построить. Ступеньки были крутыми, но по ровным каменным плитам спускаться было несложно. И тут они увидели тоннель. Сказать, что Кора «оценила» то, что открылось ее глазам, – не сказать ничего.

Лестница заканчивалась маленькой платформой, с обоих концов которой распахивались гигантские жерла тоннеля футов двадцать высотой, облицованные панелями из светлого и темного камня. Сколько же усилий понадобилось, чтобы это построить? Кора и Цезарь заметили рельсы. Сколько было видно глазу, две металлические полосы, вжатые в землю деревянными шпалами, шли по всей длине тоннеля, уходя, вероятно, на юг и на север. Они брали свое начало от какого-то непостижимого источника и стремились к некой конечной станции, имя которой чудо. Хорошо, что кто-то предусмотрительно поставил на платформе скамеечку. Кора села, потому что у нее подкосились ноги.

– Вы знаете длину этого тоннеля? – вымолвил Цезарь еле шевеля губами.

– Вам хватит, – хмыкнул Ламбли.

– Сколько же лет его строили?

– Да уж порядком. С одной вентиляцией сколько было возни...

– Кто же все это построил?

– А кто у нас все строит?

Кора видела, что Ламбли упивается их реакцией. Судя по всему, это был его любимый концертный номер.

– Но как? – ошеломленно выдохнул Цезарь.

– Руками, как еще? Теперь нам надо обговорить ваше отправление.

Ламбли достал из кармана желтый листочек бумаги и прищурился.

– Есть два поезда: один через час, второй через шесть. Расписание, конечно, не ахти. Пассажирам удобнее было бы приезжать прямо к отходу, но работать приходится в непростых, мягко говоря, условиях.

– На ближайший, – сказала Кора, поднимаясь со скамейки. Это даже не обсуждалось.

– Вся штука в том, что они идут в разные места. Один – в одну сторону, другой...

– Куда он идет? – спросила Кора.

– Далеко. Больше я вам ничего сказать не могу. Сами понимаете, согласовать все изменения на маршруте практически невозможно. Тут тебе и поезда, и то, что творится на местах. Какие-то станции закрываются, дорогу тянут дальше... Вот и получается, что с одним направлением все может пойти как по маслу, а с другим... Станции обнаруживают, сообщение прерывается. Выходит, пока не доедешь и не остановишься, так и не узнаешь, что там, наверху.

Беглецам речи станционного смотрителя были непонятны. Выходило, что один из маршрутов короче, но опаснее. А другой, значит, длиннее? Но Ламбли в подробности вдаваться не собирался. Все, что он знал, он им сказал. Его дело – смотреть за станцией. По большому счету, беглому все равно, куда бежать, он бежит не куда, а откуда. Пошептавшись с Корой, Цезарь подтвердил, что они едут ближайшим поездом.

– Дело ваше, – отозвался Ламбли и мотнул головой в сторону скамейки.

Все сели. Надо было ждать. Цезарь попросил Ламбли рассказать, почему он начал работать на подземной железной дороге. Кора слушала вполуха. Ее внимание поглощал тоннель. Сколько же пар рук понадобилось, чтобы выкопать станцию, на которой они сейчас находились? А отходящие от нее тоннели? Как далеко они тянутся и куда ведут? Ей вспомнился сбор хлопка, лихорадка полевой страды, когда созревал урожай, работавшие как одно целое черные тела, двигавшиеся слаженно, стремительно, на пределе сил. Поле вспыхивало сотнями тысяч комочков белой ваты, которые усеивали его, подобно звездам, выпавшим на безоблачном ночном небе. К концу работы на поле не оставалось ни единого белого клочка. Грандиозный жизненный цикл хлопчатника от семечка до хлопковой кипы был завершен, но ни один из невольников не испытывал гордости за свой труд. Это был труд, замешанный на крови и обмане. Они обирали хлопчатник, как их обирали белые. Другое дело тоннель, рельсовые пути, все те отчаявшиеся души, которым удалось спастись по подземной железной дороге лишь бла-

годаря бесперебойной работе ее станций и отправляющимся по расписанию поездам. Наверное, тем, кто все это создал, воздалось по заслугам.

– Штат штату рознь, – говорил тем временем Ламбли. – Со своими обычаями, своим укладом. Но жить можно везде. Вот едешь от штата к штату, пока не доедешь до конечной станции, и понимаешь: страна-то ведь огромная!

В этот момент скамейка под ними задрожала. Они прикусили языки, и дрожь превратилась в звук. Ламбли подвел их к краю платформы. Из тоннеля на них надвигалось что-то огромное. Цезарю в Виргинии доводилось видеть поезда, но Кора об этих машинах только слышала и в своем воображении рисовала их себе совсем иначе. К ним приближался нескладный черный локомотив с торчащим спереди рылом треугольной предохранительной решетки для расталкивания коров, будто хоть у одной буренки достало бы духу встать у него на пути. За решеткой вспучивалась закопченная дымовая труба. Сам корпус состоял из большого черного короба, увенчанного кабиной машиниста, под которой гигантские цилиндры и поршни неумолимо заставляли крутиться в бесконечном танце пять пар колес: четыре штуки поменьше впереди и шесть побольше сзади. Локомотив тащил за собой единственный товарный вагон, шаткий, с сильно поредевшей деревянной обшивкой.

Темнокожий машинист помахал им из окна кабины, обнажая в улыбке беззубые десны:

– Грузитесь!

Ламбли, которому надоело отвечать на вопросы Цезаря, открыл задвижку, отодвинул дверь вагона в сторону и сделал рукой приглашающий жест:

– Ну, чего стоим? Проходим!

Кора и Цезарь залезли в вагон, и Ламбли споро задвинул дверь на место. Потом он заглянул в щель между досками обшивки:

– Я всегда говорю: чтобы понять, что мы за народ, надо сесть в поезд и вперед. Мчишься, смотришь по сторонам – вот тебе и истинное лицо Америки.

Он похлопал по стенке вагона, подавая сигнал к отправлению, поезд вздрогнул и рванул с места.

Беглецы не устояли на ногах и повалились на соломенные кипы, которые должны были служить сиденьями. Товарный вагон кряхтел и трясся. Изготовили его давно, и в пути Кора частенько беспокоилась, как бы он не рассыпался. Вагон был совершенно пуст, если не считать соломы, дохлых мышей и гнутых гвоздей. Позднее она обнаружила обуглившийся участок пола, где кто-то пробовал разводить костер. Пестрый хоровод событий временно лишил Цезаря дара речи, и он свернулся калачиком на полу. Кора, запомнившая последние слова Ламбли, послушно прильнула к щели в обшивке, но там не было ничего, кроме темени на много миль вперед.

Когда они вновь выехали на свет божий, поезд катил по Южной Каролине. С замиранием сердца глядя на небоскреб, Кора силилась понять, сколько же они проехали.

Риджуэй

Отец Арнольда Риджуэя был кузнецом. Всю жизнь его завораживал закатный отблеск плавящегося железа, когда цвет сперва медленно проступает в металле, а потом стремительно разливается, захлестывая все вокруг, словно гнев или радость, и объектковки вдруг обретает непривычную пластичность. Кузня была для отца окном в мир первозданной стихии.

Был у него в салуне дружок по имени Том Бёрд, полукровка, которого после виски частенько тянуло на проповеди. В те вечера, когда Тома Бёрда сносило в сторону с торной дороги жизни, он пускался в разговоры о Великом Духе. Вместилищем Великого Духа могло оказаться все что угодно: земля и небо, звери и деревья – проникая насквозь, он соединял все звенья в единую божественную цепь. Хотя старый Риджуэй душеспасительных бесед сторонился, разглагольствования Тома о Великом Духе напоминали ему о чувствах, которые пробуждались в его груди при виде плавящегося железа. Никакому богу не нужно было кланяться, чтобы он спас и сохранил раскаленный металл под кузнечным молотом. Из книг он знал про могучие вулканы, про гибель Помпеи, которую поглотило вырвавшееся из глубоких недр горы пламя. Это текучее пламя было кровью Земли. Свою жизненную миссию он видел в том, чтобы превращать металл в разнообразные полезные предметы, без которых деятельность человечества невозможна, например, в гвозди, подковы, сошники, ножи, ружья. И цепи. Он называл это «трудами духа».

Когда отец позволял, Арнольд, стоя в углу, наблюдал его работу над железными чушками из Пенсильвании: как он плавит их, кует, пляшет вокруг наковальни, черный, будто африканский бес, покрытый сажей с головы до пят, с залитым потом лицом.

– Надо, чтобы труды духа были. Само не придет. Ищи, давай!

Отцовский завет пришлось выполнять в одиночку. Примеров вокруг себя он не видел. У наковальни ему делать было нечего, поскольку превзойти отца вряд ли кто-то смог бы. В городе он пристально всматривался в лица людей, ища в них скрытые изъяны – как отец искал изъяны в железяках. Все вокруг заняты пустяшной и бесцельной ерундой. Дурень-фермер ждет дождя, словно манны небесной, лавочник ряд за рядом раскладывает свой товар, сколь нужный, столь нудный. Ремесленники и мастеравые изготавливают предметы, которые по сравнению с железными аргументами отцовской выделки – всего лишь хлипкие фантазии. Даже самые богатые из этих людей, способные вызвать переполох и среди местных торговцев, и на отдаленной лондонской бирже, не вдохновляли его на подвиги. Он отдавал им должное, видя гигантские здания, которые они возвели на фундаменте из чисел со множеством нолей, но уважения к ним не испытывал. Разве это работа для мужчины, если к концу рабочего дня у него руки остаются чистыми?

Каждое утро доносившиеся из отцовской кузницы удары молота по наковальне звучали для Арнольда как отдаленные шаги судьбы, которая не желала подходить поближе.

В четырнадцать лет он прибил к патрульщикам. Здоровенный недоросль, крепкий и решительный, – ничто в его облике не указывало на внутренний разлад. Распознавая собственные слабости в напарниках, он одерживал над ними верх. Охота на беглых четырнадцатилетнему была еще не по возрасту, но эта профессия претерпевала изменения. По воле Его Величества Хлопка сельская местность наводнялась рабами. Мятежи в Вест-Индии и тревожные вести из соседних штатов будоражили местных плантаторов. Каждый здравомыслящий белый, все равно рабовладелец или нет, должен был озаботиться происходящим. Росло число патрульщиков, ширились их полномочия. И молодой Риджуэй пришелся ко двору.

Главой патрульщиков в округе был Чандлер. Никого свирепее Риджуэй в жизни не видел. Приличные люди знали его как буяна и бузотера и, завидя его, переходили на противоположную сторону улицы. Он провел за решеткой больше времени, чем пойманные им беглые;

несчастные через пару-тройку часов после поимки частенько слышали его храп из соседней камеры. Пример для подражания неважнецкий, но максимально близкий к образу, который притягивал Риджуэя. Вроде бы и вне всяких правил, но вместе с тем способствующий их укреплению. Риджуэй-старший Чандлера терпеть не мог за его старые грехи, но сына это не смущало. Отца он любил, но эта постоянная бодяга про труды духа лишний раз подчеркивала бесцельность его собственного существования.

Работа оказалась непыльной: знай себе хватай каждого встречного черномазого и требуй документ. Свободных негров они, хотя и знали, что те вольные, тоже задерживали – частью для собственного развлечения, частью для острастки, чтобы африканское отродье помнило о силах, которые им противостоят, неважно, есть у них белый хозяин или нет. Надо было прочесывать невольничьи деревни, если что-то пропадало, хоть книжка, хоть тень от книжки. Черных смутьянов, прежде чем посадить их за решетку или вернуть владельцу, они пороли, если было на то время и желание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.